

Кашгарская коллекция С.М. Дудина в Российском этнографическом музее

С.В. Дмитриев, Л.Ф. Попова

В богатейшем собрании Российского этнографического музея (РЭМ) находятся уникальные коллекции вещевых и фотографических памятников по этнографии населения Восточного Туркестана. История этих коллекций неразрывно связана с историей музея, а имена их собирателей — А.В. Адрианова, М.М. Березовского, С.М. Дудина, Д.А. Клеменца, С.Ф. Ольденбурга — составляют славу отечественной науки и музейного дела.

Главной задачей Этнографического отдела Русского музея императора Александра III (ЭО РМ), открывшегося 10 (23) января 1902 г., было отражение этнической картины Российской империи и сопредельных стран. Приоритетным направлением деятельности нового музея в первое десятилетие стало интенсивное формирование собственного собрания. В связи с этим в различные регионы страны были направлены многочисленные экспедиции, в ходе которых сотрудниками и корреспондентами музея приобретались первые коллекции ЭО РМ.

Начало комплектования коллекций из Средней Азии и Восточного Туркестана связано с именем Самуила Мартыновича Дудина (1863—1929). В то время это был, пожалуй, самый известный и авторитетный «коллектор», который высоко зарекомендовал себя, в частности, сбором среднеазиатских коллекций для Музея антропологии и этнографии Российской Академии наук (МАЭ РАН). Личность и жизненный путь С.М. Дудина давно привлекли внимание историков науки и музейного дела¹. Краткий биографический очерк собирателя, приводимый нами в качестве необходимой справки, составлен на основе работ этих авторов.

С.М. Дудин родился 19 августа 1863 г. в местечке Ровное Херсонской губернии. Еще будучи учеником седьмого класса С.М. Дудин стал активным участником Харьковской группы революционно-демократической организации

S.M. Dudin' Kashgar Collection in the Russian Museum of Ethnography

S.V. Dmitriyev, L.F. Popova

The enormously rich collection of the Russian Museum of Ethnography (RME) includes unique arrays of monuments of material culture and photographs of subjects related to the ethnography of the population of Eastern Turkestan. The history of the collections is inextricably linked with the Museum, whereas the illustrious names of those who amassed them — A.V. Adrianov, M.M. Berezovsky, S.M. Dudin, D.A. Klementz and S.F. Oldenburg — belong to the glorious page in the history of Russian science and museum work.

The main objective of the Ethnography Department of the Alexander III Russian Museum (ED RM), which opened on 10 (23) January 1902, was to reflect the ethnic pattern of the Russian Empire and its neighbouring countries. The priority direction in the work of the new museum in its first decade was an intensive building of its own collection. For that purpose numerous expeditions were sent to different parts of the country; in the course of the expeditions the staff of the Museum and its local representatives were purchasing the first collections of the ED RM.

The beginnings of the collections from Middle Asia and Eastern Turkestan are connected with Samuil Martynovich Dudin (1863—1929). At that time he was probably the most famous and esteemed collector, who had built a splendid reputation for himself by gathering Middle Asian collections for the Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences (MAE RAS). S.M. Dudin's personality and life have long attracted the attention of historians of science and museum work.¹ The brief biographic outline below providing the most essential background information was written on the basis of those writers' works.

S.M. Dudin was born on 19 August 1863 in the small town of Rovnoye of Kherson *gubernia* (province). While still in the seventh year at school, he took an active part in the revolution-

¹ Никитин В.А. Рассказы о фотографах и photographиях. Л., 1991. С. 33—46. Вишневецкая В.А. Из жизни и деятельности С.М. Дудина — художника, собирателя, исследователя // Из истории формирования этнографических коллекций в музеях России (XIX—XX вв.). СПб., 1992; Tsareva E. Thirty Rug Masterpieces from the Collection of S.M. Dudin // *Oriental Rug Review*: October/November 1990. Vol. 11. 1, p. 65—97; Menshikov L.N. Samuil Martynovich Dudin (1863—1929) // *IDP News*. 14. Autumn, 1999; Дмитриев С.В. Штрихи к собирательской деятельности С.М. Дудина // Культурное наследие народов Центральной Азии, Казахстана и Кавказа. Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 52. СПб., 2006. С. 96—106.

¹ Nikitin, V.A. *Stories about Photographers and Photographs*. L., 1991, pp. 33—46; Vishnevetskaya, V.A. "Life and Work of S.M. Dudin — Artist, Collector, Explorer." In *From the History of the Formation of Ethnographic Collections in Russian Museums (19th—20th Centuries)*. SPb., 1992; Tsareva, E. "Thirty Rug Masterpieces from the Collection of S.M. Dudin." *Oriental Rug Review*: October/November 1990. Vol. 11 (1), pp. 65—97; Menshikov, L.N. "Samuil Martynovich Dudin (1863—1929)." *IDP News*. 14. Autumn, 1999; Dmitriyev, S.V. "Some Features of S.M. Dudin's Collecting Work." *Cultural Heritage of the Peoples of Central Asia, Kazakhstan and the Caucasus. Collected Works of the Institute of Anthropology and Ethnography*. Vol. 52. SPb., 2006, pp. 96—106.

«Народная воля». В 1884 г. он был арестован и в 1887 г. в административном порядке сослан в г. Селенгинск Забайкальской области. Там он познакомился с известным путешественником Г.Н. Потаниным, по просьбе которого сделал этнографические зарисовки из жизни бурят. Чуть позже он был переведен в Троицкославск, где поступил на службу в фотографическое ателье Н.А. Чарушина. Именно по совету последнего С.М. Дудин принял участие в знаменитой впоследствии Орхонской экспедиции, руководимой академиком В.В. Радловым, и позднее выполнил все графические работы в издании ее «Трудов». Эта работа помогла ему войти в круг самых знаменитых исследователей Азии, что во многом определило дальнейшую судьбу С.М. Дудина, которая навсегда оказалась связанной с изучением культуры Средней Азии. Перебравшись в Санкт-Петербург, он знакомится с В.В. Бартольдом и в начале 1890-х гг. совершает вместе с ним поездку в Туркестанский край. В экспедиции С.М. Дудин делал этнографические зарисовки, а также свои первые фотографические снимки, которые впоследствии вошли во многие научные издания. Кроме того, С.М. Дудин предпринимал и самостоятельные выезды, в ходе которых вел записки, использованные В.В. Бартольдом, по собственному упоминанию академика, при составлении отчета о поездке 1892 г.

По поручению Музея антропологии и этнографии (МАЭ) в 1894 г. он совершает поездку на Украину, где собирает этнографические вещевые и фотографические коллекции. В следующем году по заданию Археологической комиссии им было сделано около 200 снимков архитектурных памятников Самарканда. В 1897 г. Дудин заканчивает обучение в Академии художеств, где его педагогом был И.Е. Репин, высоко ценивший его работы. В 1898 г. за казенный счет, как это было положено для выпускников Академии, он совершает поездку в Европу — через Вену и Мюнхен в Париж. В 1899 г. по поручению Этнографического бюро В.Н. Тенишева для Парижской выставки он делает более 600 фотографий, на которых запечатлен быт казахов Акмолинской и Семипалатинской областей (ныне негативы фотографий хранятся в Гамбургском этнографическом музее, а отпечатки имеются в собрании МАЭ).

В 1900 г., когда решался вопрос о создании Этнографического отдела Русского музея, по инициативе В.В. Радлова С.М. Дудин вновь отправляется в Среднюю Азию для сбора экспонатов для нового музея. Так было положено начало уникального собрания Российского этнографического музея по этнографии народов Средней Азии и Казахстана. Эта работа была продолжена в ходе второй командировки С.М. Дудина в этот регион (1901). С.М. Дудин стал участником первой (1909—1910) и второй (1914—1915) Российских Туркестанских экспедиций С.Ф. Ольденбурга. Основной обязанностью С.М. Дудина в этих экспедициях было выполнение фотоснимков и графических работ.

ary activities of the Kharkov group of *Narodnaya Volya* (People's Will) organization. In 1884 he was arrested and, in 1887, exiled to the town of Selenginsk of the Transbaikalia region. There he made the acquaintance of the famous traveller G.N. Potanin, at whose request he made some ethnographic sketches from the Buriat life. Shortly afterwards he was transferred to Troitskoslavsk, where he took a job with the photographic studio of N.A. Charushin. It was on the latter's advice that S.M. Dudin took part in the famous Orkhon expedition headed by Academician V.V. Radloff and then did all the drawings for the publication of the expedition's *Transactions*. The work brought him into contact with the most famous explorers of Asia, which largely predetermined S.M. Dudin's future, connected for good with the study of Middle Asia's culture. After moving to St. Petersburg, he met W.W. Barthold and in the early 1890s journeyed with him to Turkestan district. In the expedition he drew his ethnographic sketches and took his first photographs, which afterwards were included in many scientific publications. Besides, he made trips on his own, keeping journals of them, which W.W. Barthold made use of in the preparation of the report on the 1892 journey, as the Academician himself mentioned.

Commissioned by the MAE, in 1894, S.M. Dudin made a journey to the Ukraine, where he purchased ethnographic objects and photographs. In the following year he took about 200 photographs of the architectural monuments of Samarkand for the Archaeology Committee. In 1897, Dudin graduated from the Academy of Fine Arts in St. Petersburg, where he studied under the tutelage of Ilya Repin, who highly appreciated his works. In 1898 he travelled to Europe, at public cost, as graduates of the Academy were entitled to in those days, — via Wien and Munich to Paris. In 1899, at the request of V.N. Denishev's ethnography bureau, Dudin took more than 600 photographs recording the life of the Kazakhs of the Akmolinsk and Semipalatinsk regions (at present their negatives are kept in the Ethnography Museum in Hamburg and their prints are in the collection of the MAE).

In 1900, when the issue of creating the Ethnography Department in the Russian Museum was under consideration, S.M. Dudin went to Middle Asia again, on the initiative of V.V. Radloff, to collect materials for the new museum. That was how the RME's unique ethnographic collection dedicated to the peoples of Middle Asia and Kazakhstan took its beginnings. The work was continued in the course of Dudin's second trip to the area in 1901. S.M. Dudin participated in S.F. Oldenburg's First and Second Russian Turkestan Expeditions in 1909—10 and 1914—15. S.M. Dudin's main duty in the expedition was work as a photographer and graphic artist.

S.M. Dudin remained devoted to museum work for a long time. He was on the staff of the MAE, where he headed the Photography Department and the Department of Middle Asian Antiquities. After the revolution he was also a staff member of

Музейному делу С.М. Дудин продолжал служить долгое время, являясь сотрудником МАЭ, где возглавлял фотографический отдел, а также отдел Среднеазиатских древностей. После революции С.М. Дудин также был штатным сотрудником Государственной академии материальной культуры (ГАИМК). Будучи крупнейшим специалистом в области коврового дела и других отраслей художественной промышленности, он привлекался в качестве консультанта по учету ценностей Внешторга при отборе экспонатов для Эрмитажа, Русского музея и других учреждений культуры. В Ленинградском университете он преподавал основы фотографии студентам Географического факультета. Умер С.М. Дудин летом 1929 г. в поселке Саблино под Ленинградом, где проводил студенческую практику.

Наша статья посвящена коллекции, собранной С.М. Дудиным в ходе его второй командировки в Среднюю Азию, которую он совершил по заданию Этнографического отдела Русского музея в 1901 г. Началась она в конце апреля и продолжалась семь месяцев. Маршрут этой поездки начался в Закаспийской области, где Дудин собрал богатейшие коллекции по традиционной культуре туркмен. Затем он посетил Самарканд, Ташкент, откуда через Аулие-Ата, Пишпек, Токмак и долину р. Арпа путь его пролегал в Кашгар, где он провел две недели. Из Кашгара через российское укрепление Иркештам, Алайскую долину, через города Нагорной Бухары он прибыл сначала в Бухару, затем в Самарканд. В ходе этой поездки, кроме материалов по этнографии туркмен, им были собраны коллекции по казахам, киргизам, сартам (оседлым узбекам), таджикам, уйгурам. Сбор вещевого материала сопровождался фотографированием населения, городов и селений, мазаров и т. д. О своей работе в экспедициях 1900—1902 гг. С.М. Дудин составил подробный рукописный отчет, хранящийся в архиве РЭМ².

Коллекция С.М. Дудина (№ 16) составила 209 предметов (26 из них утрачены в годы Второй мировой войны). Тематика коллекции весьма широка, она позволяет всесторонне охарактеризовать культуру и быт жителей Кашгара. Столь информативный историко-этнографический источник еще практически не был востребован исследователями, за исключением Л.А. Чвырь, которая обращалась к материалам коллекции для анализа уйгурского костюма, в том числе и его украшений³. Цель настоящей статьи составляет аналитический обзор коллекции, не претендующий, впрочем, на исчерпывающую глубину ввиду лишь первого приближения к ее материалам.

the State Academy of the History of Material Culture (SAHMC). As a very eminent expert on carpet making and other art industries, he was invited as consultant for value assessment by the Foreign Trade Ministry for selecting exhibits for the Hermitage Museum, the Russian Museum and other institutions of culture. In Leningrad University he taught the basics of photography to students of the Geography Faculty. S.M. Dudin died in the summer of 1929 in the village of Sablino in the vicinity of Leningrad, where he was supervising students' practice.

This article is devoted to the collection S.M. Dudin brought from his second journey to Middle Asia in 1901, which had been commissioned by the Ethnography Department of the Russian Museum. His journey began in late April and lasted for seven months. The starting point of the itinerary was the Transcaspien region, where Dudin gathered very rich collections of traditional Turkmenian culture. Then he visited Samarkand and Tashkent, whence he travelled via Auliye-Ata, Pishpek, Tokmak and the Arpa River valley to Kashgar, spending a fortnight there. From Kashgar he travelled first to Bukhara — through the Russian fort of Irkeshtam, the Alai valley and the towns of Nagornaya (mountainous) Bukhara — and later to Samarkand. During the journey, Dudin gathered, besides materials on the ethnography of the Turkmenians, important collections dealing with the Kazakhs, Kyrgyzes, Sarts (settled Uzbeks), Tajiks and Uighurs. His collecting of ethnographic materials was accompanied by photographing the local people, towns and settlements, *mazars*, etc. S.M. Dudin submitted a detailed report on his work in the expeditions of 1900—1902, which is now kept in the archives of the RME.²

S.M. Dudin's collection (No 16) numbered 209 items (26 of them were lost during World War II). Thematically, the collection is very comprehensive, making it possible to thoroughly describe and analyse the culture and life of the population of Kashgar. This highly informative historical and ethnographic source has so far remained unused by researchers, except for L.A. Chvyr, who addressed the collection materials in order to analyse the Uighur costume, including its adornments.³ The objective of this article is to make an analytical survey of the collection, claiming no exhaustive profundity because it is but the first treatment of the collection materials.

² Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2, ед. хр. 247: Дудин С.М. Отчет о поездках в Среднюю Азию в 1900—1902 годах. Поездка в Кашгар. 1901 г.

³ Чвырь Л.А. Сравнительный очерк традиционных украшений уйгуров и соседних народов Центральной и Средней Азии (XIX — начало XX в.) // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур народов древнего и средневекового Востока. М., 1986. С. 211—250; Чвырь Л.А. Уйгуры Восточного Туркестана и соседние народы в конце XIX — начале XX в. М., 1990.

² RME Archives. Fond 1. Inv. 2, unit 247. Dudin, S.M. Report on the Journeys to Middle Asia in 1900—02. The Kashgar Journey. 1901.

³ Chvyr, L.A. "Comparative Survey of Traditional Decorations of the Uighur and Neighbouring Peoples of Central and Middle Asia (19th—Early 20th Centuries)." In *Eastern Turkestan and Central Asia in the System of Cultures of the Peoples of the Ancient and Medieval East*, M. 1986, pp. 211—250; Chvyr, L.A. *The Uighurs of Eastern Turkestan and the Peoples Neighbouring on Them in the Late 19th—Early 20th Centuries*. M., 1990.

Как следует из материалов отчета С.М. Дудина, для удобства следования в Кашгар и решения различных организационных вопросов, которые возникали в пути, по приказу эмира Бухарского ему был выделен специальный чиновник-проводник, что в значительной степени способствовало успешному проходу через горные перевалы. Путь от укрепления Иркештам до Кашгара занял пять дней. Дорога была очень опасной и тяжелой, но чрезвычайно интересной из-за богатых впечатлений, полученных от оживленного караванного движения. Кроме того, на пути часто встречались летние стоянки киргизов, поэтому сбор информации и вещевое материала осуществлялся и здесь. В Кашгаре большую помощь С.М. Дудину оказал российский консул Н.Ф. Петровский.

По прибытии в Кашгар С.М. Дудин сразу же приступил к формированию коллекции. В отчете он неоднократно отмечает большое сходство культуры кашгарцев с культурой среднеазиатских сартов, но в то же время тщательно выделяет отличия между ними, поскольку именно их старается документировать при отборе материалов для коллекции.

По первому общему впечатлению Кашгар показался С.М. Дудину типичным сартовским городом, очень похожим на Коканд или Ош — города Ферганской долины. Практически такими же были его общая планировка, базары и улицы, отличавшиеся только «большей неряшливостью построек», а толпы спящих по городу — «меньшим количеством чалм»⁴, вместо которых у мужчин здесь чаще встречались тюбетейки и войлочные колпаки. Также автор отметил, что на улицах было больше женщин, многие из которых находились на улице без паранджи, отчего их костюмы казались ярче и разнообразнее.

Закономерно, что именно предметы костюма, яркого маркера этнических особенностей, заняли в кашгарской коллекции С.М. Дудина самое видное место. Большой заслугой С.М. Дудина явилось формирование полного комплекса кашгарского женского костюма, который составляли нательная рубаха-платье и штаны, верхняя одежда — безрукавка и халат, уборы для улицы — головная накидка и лицевая занавеска, а также головные уборы, обувь, украшения. Крайне важно, что собиратель многие предметы костюма представил в нескольких экземплярах, что позволяет судить об их типичных и вариативных чертах. Фактором, повышающим ценность собрания, явилось и приобретение вещей, характеризующих костюм разных возрастных категорий — девушек, молодых женщин, замужних женщин среднего возраста. Касаясь кашгарского женского костюма в целом, С.М. Дудин отметил его сходство с сартовским в покрое одежды, а в качестве отличия назвал китайское влияние, не определив, впрочем, в чем оно выражается. Возможно, собиратель полагал, что материалы коллекции

As follows from the materials of S.M. Dudin's expedition report, the Emir of Bukhara, wishing to make Dudin's trip to Kashgar less strenuous and to facilitate a faster settlement of various organisational problems arising on the journey, ordered that a special official-cum-guide should be attached to him, which considerably helped Dudin, especially in crossing mountain passes. It took the expedition five days to travel from the Irkeshtam fort to Kashgar. The road was very dangerous and hard, but very thrilling because of rich impressions from the lively caravan traffic. Besides, Dudin often met summer camps of the Kyrgyzes, so the gathering of information and stuff was done there as well. In Kashgar S.M. Dudin was given considerable assistance by the Russian Consul N.F. Petrovsky.

On arrival at Kashgar, Dudin set to work on building his collection. In his report he repeatedly pointed out the considerable affinity of the culture of Kashgar with that of the Sarts of Middle Asia, carefully drawing distinctions between them, however, because he tried to document precisely them in the selection of materials for the collection. Judging by Dudin's first general impressions of Kashgar, it appeared to him a typical Sart town, resembling very much Kokand or Osh — the towns of the Fergana valley. Its general layout, *bazaars* and streets were practically the same — different only in a "greater slovenliness of its buildings", as well as in "fewer turbans"⁴ seen in the milling crowds — instead, men more often wore embroidered *tiubeteyka* skull-caps or felt caps. The collector noted also that there were more women in the streets, many of whom did not wear *yashmaks*, for which reason their costume seemed brighter and more varied.

It is natural that it was the costume and its articles — the brightest marker of ethnic differences — that occupied the most prominent place in S.M. Dudin's collection. S.M. Dudin's very creditable achievement was that he brought a whole complex of the Kashgar women costume, which consisted of underwear items — a shirt-like dress and trousers; and outer garments — a sleeveless jacket and a robe — plus, for outdoor wear, a head covering and a face veil, as well as headgears, ornaments and footwear. Importantly, the collector obtained many articles of clothing in several versions, which gives grounds for judging about their typical and variant features. Another factor enhancing the value of the collection was his purchase of costume characteristic of different age groups — maidens, young women, middle-aged married women. Speaking of the Kashgar women's costume in general, S.M. Dudin noted its affinity with the Sart dress in its cut; as a difference, he pointed out the Chinese influence, without specifying what he meant. The researcher might have assumed that the materials of the collection showed that influence clearly enough. Indeed, the Chinese influence is noticeable at a glance at the articles of the costume, for it is obvious in the style of

⁴ Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2, ед. хр. 247. Л. 73.

⁴ RME Archives. Fond 1. Inv. 2, unit 247, f. 73.

говорят об этом достаточно определено. Действительно, даже при первом взгляде на предметы женского костюма можно заметить влияние Китая в стиле вышивки, широком использовании китайских тканей, включении в комплекс украшений китайских изделий.

Все пять женских нательных рубах коллекции, независимо от возрастной категории, имеют архаичный туникообразный покрой — их стан представляет собой единое полотнище, перегнутое пополам, к которому под прямым углом пришиты рукава. Для придания платьям значительной ширины к стану также пришиты раскошенные боковины. Единство покроя кашгарских и сартовских рубах проявлялось и в одинаковом оформлении их ворота: девичьи рубахи имели горизонтальный ворот, а женские — вертикальный. С.М. Дудин констатировал, что «покрой рубах с разрезом на груди, стоячим воротом и обшивкой по пазухе пришел в Русский Туркестан именно отсюда, т. к. здесь он был чрезвычайно распространен, тогда как в Туркестане он встречался лишь как нововведение, мода»⁵. Л.А. Чвырь справедливо заметила по этому поводу, что данная мысль Дудина не получила поддержки у исследователей среднеазиатского костюма⁶.

Женские рубахи коллекции имеют такую яркую особенность декора, как нашитые с правой стороны грудной части полосы дугообразной формы из индийской парчи. Асимметрия в системе украшения одежды является очень редкой чертой, к которой даже сложно подобрать параллели в культурах Средней и Центральной Азии. В цветовом отношении все рубахи разные, что не позволяет сделать однозначного заключения о возрастной символике цвета в культуре Кашгара. Так, одна из девичьих рубах сшита из белого китайского шелка *дурдун*, другая — из бордового. Женские рубахи сшиты из хлопчатобумажной или шелковой ткани белого и желтого цвета. Интересно, что в Средней Азии одежда желтого цвета практически не бытует, за исключением туркменцев, у которых женщины среднего возраста носили желтые головные накладки.

Ведущим приемом декора девичьих и женских рубах в Кашгаре являлась вышивка. Вышитые рубахи являются подлинными художественными шедеврами, настолько изящен рисунок вышивки, богат ее орнамент, виртуозна техника исполнения гладью, гармоничны цветовые сочетания. Вышивка девичьего платья (№ 16-20) из бордового шелка выполнена по всей его поверхности спереди и сзади, в орнаменте лидируют растительные мотивы, круглые concentрические розетки, бабочки. В расположении основных сюжетных блоков орнамента симметрия отсутствует, что усиливает интригующее впечатление при рассмотрении

embroidery, wide use of Chinese fabrics and in complementing the complex with China-made ornaments.

All the five women's underwear shirts, regardless of the wearer's age category, have the same archaic tunic-like cut — their bosom is a single length of fabric folded in the middle lengthways, to which sleeves are stitched at right angles. To add width to the dress, they also added slanting sewed-on side panels. The similarity of cuts of the Sart and Kashgar undershirts could also be seen in their identical treatment of collars: young girls' shirts had horizontal collars and women's were vertical ones. S.M. Dudin concluded that "the cut of undershirts with a slit on the bosom, a stand-up collar and embroidered bosom came to Russian Turkestan precisely from here, for it was very widespread in these parts, while in Turkestan it could be seen only occasionally as something new and fashionable."⁵ L.A. Chvyr justly pointed out on this score that Dudin's observation was not supported by researchers of Middle Asian dress.⁶

The women's undershirts in the collection have such a conspicuous peculiarity of adornment as arch-shaped sewn-on stripes of Indian brocade on the right side of the bosom. Asymmetry in dress adornment is a very rare feature with parallels hard to find in the cultures of Middle and Central Asia. Colour-wise, all the shirts are different, which allows no unequivocal conclusion regarding the colour symbolism of age in the culture of Kashgar. For example, one of the maiden's shirts is made of white Chinese *durdun* silk, while the other is claret-coloured. Women's shirts are made of cotton or silk in white or yellow. Interestingly, in Middle Asia yellow garments have had practically no currency, except for Tekin Turkmenians, whose middle-aged women wore yellow head covers.

The main adornment of Kashgar young girls' and women's shirts was embroidery. Their embroidered shirts are genuine masterpieces, for the embroidered designs are exceedingly delicate, the ornaments extremely rich, the satin stitch needlework technique superb and the colour combinations incredibly harmonious. The entire surface of the young girl's claret-coloured silk dress (No 16-20), both the front and back, is embroidered with a beautiful design in which plant motifs, butterflies and concentric rosettes dominate. There is no symmetry in the placement of the chief blocks of ornamentation, which enhances the intrigued impression one gets when scrutinising the design. Salient in the embroidery of women's dress (No 16-21) are the motifs of triangular amulets, placed, like real ornaments, on the shoulder and the end of the bosom slit of the dress. Dress No 16-23 made of white *mata* cotton is embroidered in a different style based on a concise solution, with one large expressive almond, often nicknamed 'Oriental cucumber', dominating.

⁵ Там же. С. 77.

⁶ Чвырь Л.А. Уйгуры Восточного Туркестана... Указ. соч. С. 97.

⁵ Ibid., f. 77.

⁶ Chvyr, L.A. *The Uighurs of Eastern Turkestan*..., p. 97

Платье девичье
Кашгар. Конец XIX в. Шелк
РЭМ № 16-20

Young girl's dress.
Kashgar. Late 19th century. Silk
RME No 16-20

Сапоги женские
Кашгар. Конец XIX в. Кожа, шелк
РЭМ № 16-34/1, 2

Woman's high boots
Kashgar. Late 19th century. Leather, silk
RME No 16-34/1, 2

Безрукавка женская
Кашгар. Конец XIX в. Шелк, хлопок
РЭМ № 16-28

Woman's sleeveless djadjaza jacket
Kashgar. Late 19th century. Silk, cotton
RME No 16-28

узора. В вышивке женского платья № 16-21 обращают на себя внимание мотивы треугольных амулетов, расположенные, подобно реальным украшениям, на плече и на конце грудного разреза платья. Платье № 16-23 из хлопчатобумажной белой *маты* вышито в другой стилистике, которую отличает лаконичное решение с доминантой одного крупного выразительного миндалевидного мотива, условно называемого «восточный огурец».

Представленные в коллекции девичьи штаны *штан*, сшитые из красной хлопчатобумажной ткани, относятся к типу штанов «с широким шагом», то есть имеющими между штанинами клин значительной величины. По замечанию С.М. Дудина, по покрою кашгарские *штан* похожи на среднеазиатские. Добавим, что некоторое отличие составляет лишь большая ширина штанин у кашгарских *штан*, а также довольно широкая полоса вышивки по их нижней части, выполненная цветными шелковыми и хлопчатобумажными нитками тамбурным швом (№ 16-80). В орнаменте вышивки заметна китайская стилистика, особенно в облаковидных мотивах.

Верхнюю одежду кашгарских женщин С.М. Дудин представил наплечной одеждой двух типов — короткой (до талии) и длинной (ниже колен). Короткая одежда, надевавшаяся поверх рубахи, вошла в коллекцию в двух ее видах — это безрукавки *джаджаза* (№ 16-28, 30) и стеганая на вате кофта *чажмак* с длинными рукавами (№ 16-27). *Джаджаза* и *чажмак*, сшитые из шелковой или полушелковой китайской ткани, очень нарядны. По краю грудного разреза, пол и подола эта одежда богато расшивалась цветными шелковыми нитками или обшивалась полосами индийской парчи. Полосы обшивки, контрастно подчеркивая силуэт безрукавок, придавали их форме особую выразительность. Хорошо понимая, насколько важна для научных заключений фиксация разных вариантов покроя одежды, С.М. Дудин приобрел одну безрукавку *джаджаза* с симметричными полами встык, другую — с большой левой полкой, значительно накрывающей правую полу. Последний вариант прямых аналогов в Западном Туркестане не имел, но глубокий запах на правую сторону был характерен для приталенных бешметов обоих полов у казахов и киргизов. Застегивалась *джаджаза* с помощью нескольких шарообразных пуговиц *тугма*, изготовлявшихся из меди или серебра в технике филигрании. В Янгишаре С.М. Дудин приобрел пуговицы как самостоятельный образец ювелирных изделий (№ 16-71). Л.А. Чвырь полагает, что кашгарская короткая одежда имеет относительно позднее происхождение⁷, что справедливо и в отношении среднеазиатских камзолов. Главным доводом в пользу этого заключения является тот факт, что короткая одежда не туникообразная и имеет шов в плечах. В обоих регионах это была одежда девушек и молодых жен-

The young girls' trousers in the collection, called *shtan*, which are made of red cotton, belong to the type of trousers with a loose seat due to a wide panel between the trouser-legs. The cut of the Kashgar *shtan* trousers, according to S.M. Dudin's observation, looks like its Middle Asian counterparts. We can add, however, that some difference consists in their wider legs and a fairly broad embroidered border in their lower part in tambour stitch of silk and cotton threads (No 16-80). Chinese style is evident in the ornament of the embroidery, especially in the cloudlike motifs.

S.M. Dudin represented the outdoor clothes of Kashgar's women by shoulder clothes of two kinds — short garments (reaching to the waist) and long ones (below the knee). Short clothes — worn over the shirt — are represented in the collection by two of their types: the sleeveless *djadjaza* jackets (Nos 16-28, 30) and the long-sleeved *chadjmak* coats lined with quilted cotton-wool (No 16-27). *Djadjazas* and *chadjmaks* made of silk or demi-silk Chinese fabric are very decorative. The edges of the slit, the breasts and the lap of these garments were richly embroidered with coloured silk threads or patched with strips of Indian brocade, which stressed the silhouettes of the sleeveless jackets, investing their shapes with a special quality of expressiveness. Realizing very well how important it was for scientific research to record different versions of clothing cuts, S.M. Dudin purchased one *djadjaza* jacket with symmetrical sides abutting, and another with a large left side, overlapping the right side considerably. The latter version had no direct analogies in Western Turkestan, but the custom of wrapping the right side over was characteristic of the Kazakhs and Kyrgyzes of both genders in wearing their narrow-wasted *beshmet* quilted coats. The *djadjaza* had several globular *tugma* buttons in copper or silver filigree. In Yanghishar Dudin bought some buttons as specimens of a special type of jewellery (No 16-71). L.A. Chvyr believes that the short clothes of Kashgar are of a relatively later origin,⁷ which is also the case with Middle Asian camisoles. The main argument in favour of this conclusion is the fact that the short garments are not tunic-like and are stitched across the shoulders. In both areas they were worn by young girls and women and were adorned with different decorative elements, including fancy buttons.

⁷ Там же. С. 114.

⁷ Ibid., p. 114.

щин, которую отличали разного рода декоративные элементы, в том числе и оригинальные пуговицы.

Рубаха, *штан* и *джаджаза*, как замечает С.М. Дудин, составляли домашний костюм жительницы Кашгара. Выходя на улицу, она надевала *чапан* — длинный, иногда до щиколоток, просторный халат с зауженными книзу рукавами. *Чапан* шился из шелковой ткани *дурдун* или из хлопчатобумажной *алачи* и для тепла мог быть стеганным на вате. *Чапан* из темно-зеленого *дурдуна* (№ 16-3), включенный С.М. Дудиным в коллекцию, является образцом нового для того времени покроя со вшивным рукавом и сшитым плечом, который к тому времени получил довольно широкое распространение в Средней Азии. Два других халата коллекции называются *биджа* и характеризуются собирателем как нарядные. Один из них сшит из бежевого китайского атласа и украшен изящной вышивкой гладью с ведущим мотивом птицы (№ 16-24), другой — из *дурдуна* желтого цвета имеет на груди контрастные дугообразные нашивки из индийской парчи и обшивку из китайской тесьмы (№ 16-25). Нашивки на халате, в отличие от платьев, расположены с обеих сторон.

Поверх халата при выходе на улицу женщины накидывали на голову широкое покрывало *айбедже* с длинными ложными рукавами, напоминающее *паранджу* сартянок Русского Туркестана (№ 16-6, 9). *Паранджа* шилась из цветных тканей и имела свою систему декора, *айбедже* в Кашгаре изготавливали только из белой тонкой хлопчатобумажной ткани без каких-либо украшений.

Лицо женщины закрывали занавеской *чимбель*, плетеной из белых шелковых ниток, к верхним углам которой были пришиты длинные завязки из шелковой тесьмы с кистями на концах. В коллекцию вошли две занавески, изготовленные в Хотане, считавшимся лучшим центром их производства⁸. Верхний и нижний края занавесок были обшиты плетеной либо вышитой шелком или золотом узорной тесьмой (№ 16-4). Один из экземпляров, принадлежавший богатой женщине, имеет серебряные подвески и бляшки со вставками цветного стекла (№ 16-5). Как сообщает собиратель, девушки пользовались *чимбель* сравнительно редко, ее носили только замужние женщины, и то не всегда и не с такой щепетильностью, как сартянки Русского Туркестана⁹. Аналогом *чимбель* в Средней Азии являлась занавеска *чачван* из черного конского волоса, но более всего *чимбель* походит на лицевые занавески южных киргизок, также изготавливавшихся из светлых тканей.

Головные уборы в традиционном костюме несут большую знаковую нагрузку, информируя о поле, возрасте, месте проживания владельца, его социальном статусе. Можно не сомневаться, что С.М. Дудин включил в коллекцию все виды

The shirt, *shtan* and *djadja* made the home costume of a woman in Kashgar, according to S.M. Dudin. When going out into the street, she would put on a *chapan*, a long loose robe, often reaching the ankles, with tapered sleeves. *Chapans* were usually made of *durdun* silk or *alachi* cotton and could be quilted with wool cotton for warmth. The dark-green *durdun chapan* (No 16-3) S.M. Dudin included in the collection is a specimen of the then new cut with a sewn-in sleeve and a sewn-on shoulder, which had by then become fairly widespread in Middle Asia. Two of the robes in the collection are called *bidja* and described by the collector as smart. One is made of beige Chinese satin and is decorated with dainty satin stitch embroidery with a bird motif predominant (No 16-24), the other is of yellow *durdun* silk, with contrasting sewn-on arch-like strips of Indian brocade and bordered with Chinese cord (No 16-25). Unlike the shirts, the robe is decorated with sewn-on strips on both sides.

When leaving home the woman would put on over the robe a wide *aibedje* cover with long false sleeves, which resembles the *yashmak* of the Sart women of Russian Turkestan (Nos 16-6, 9). The *yashmak*, however, was made of coloured fabrics and relied on its own system of adornment, while the Kashgar *aibedje* was exclusively made of white thin cotton fabric without any ornamentation.

Kashgar women covered their faces with *chimbels* veils woven of white silk thread; long silk laces with tassels at the ends were sewn on to the upper ends of the veil. The collection includes two *chimbels* veils made in Khotan, which was regarded as the leading centre of their production.⁸ The top and bottom edges of the veils were bordered with patterned braiding, woven or embroidered with silk or gold (No 16-4). One of the veils, which belonged to a wealthy woman, is decorated with silver pendants and plaques with coloured glass inserts (No 16-5). As Dudin reported, young girls used *chimbels* relatively seldom, they were worn by married women mostly, and not always with such punctiliousness as by the Sart women of Russian Turkestan.⁹ The Middle Asian counterpart of *chimbels* was the *chachvan* veil of black horse hair, but it is closest to the face covers, also of light-coloured fabrics, worn by the women of Southern Kyrgyzia.

⁸ Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2, ед. хр. 247. Л. 78.

⁹ Там же.

⁸ RME Archives. Fond 1. Inv. 2, unit 247, f. 78.

⁹ Ibid.

головных уборов, которые были ему доступны при сборе вещей. Женские головные уборы Кашгара, помимо головных накидок, собиратель представил двумя основными видами: меховыми шапками *тумак* и шапочками из ткани. *Тумак* имеет невысокую тулью из овчины, покрытую бархатом или индийской парчой. Своеобразие этому головному убору придают поля, которые настолько значительно расширяются и поднимаются кверху над тульей, что шапка своей формой напоминает гнездо (№ 16-7, 10, 11, исключено в 1965 г., 56). Величина таких шапок была чрезвычайно разнообразна: «Наибольшие из них в верхнем диаметре достигали 10 вершков (1 вершок — 4,4 см) при высоте в 3 вершка и именно такие считались особенно красивыми»¹⁰. Носили их преимущественно девушки, а женщины предпочитали шапки меньших размеров. По форме *тумака*, по мнению С.М. Дудина, сильно напоминали шапки казахских и киргизских девушек Семипалатинской области и Семиречья. Следует добавить, что это сходство проявлялось и в использовании материалов — бархата и меха бобра или выдры. Отличие состояло в том, что к кашгарским шапкам прикалывали украшение *каш*, которое представляло собой «букет» серебряных эмалированных цветов на тонких серебряных стеблях (№ 16-73, 74). Это украшение на момент его приобретения уже выходило из употребления, так что собирателю удалось зафиксировать реликтовый элемент культуры. С.М. Дудин был хорошо знаком с традицией среднеазиатских сартов и в своем отчете отметил, что «у кашгарлычек платки встречались нечасто, но повязывались в сходной манере, принятой и у других сартянок»¹¹.

Шапочки-тюбетейки *допа* из ткани шились из четырех клиньев, образующих весьма высокую тулью, «похожую на кокошник»¹². Тулья имела плотную простежку, между рядами которой вставлялись фитильки из ваты, что придавало поверхности шапочки ребристость. Околыш *допа* представлял собой широкую тесьму черного цвета или полосу из индийской парчи. Указанные материалы, а также конструктивные и декоративные особенности очень сближают кашгарские тюбетейки с ферганскими. Украшением коллекции можно считать *кадак-допа* — тюбетейки из красного или фиолетового бархата с нашитыми на тулью и околыш серебряными пластинками с просечным и тисненым узором и вставками из бирюзы, стекла и кораллов (№ 16-39, 198).

Женскую обувь собиратель охарактеризовал наиболее типичным ее видом, который широко бытовал и у сартов, а именно мягкими без каблуков сапогами *массы* (№ 16-36) из козьей кожи, имеющими инкрустированный зеленым сафьяном задник. *Массы* носили вместе с кожаными галошами *кауш* (№ 16-35). Другой вид женской обуви — сапоги

In the traditional costume, the headdress is like a coded signal carrying data on the wearer's gender, age, place of residence and social status. We need not doubt it that S.M. Dudin included in the collection all the accessible and affordable varieties of headdress. Apart from head covers, the collector represented Kashgar's headdress by two main types: *tumak* fur hats and cloth hats. The *tumak* has a low crown of sheepskin covered with velvet or Indian brocade. The hat owes its peculiar appearance to the brims which flare up so much above the crown that the shape of the hat resembles a nest (Nos 16-7, 10, 11, excluded in 1965, 56). The height of such hats was extremely diverse: "the largest of them, which were regarded as the most beautiful, had a diameter of 10 *vershoks* (1 *vershok* is 4.4 cm) with a height of 3 *vershoks*."¹⁰ Those were worn by young girls for the most part, while women preferred hats of smaller sizes. The shape of the *tumak*, in S.M. Dudin's opinion, showed close affinity with the hats of young Kazakh and Kyrgyz girls in the Semipalatinsk region and in Semirechye. The affinity was also manifest in the materials used — velvet and beaver or otter fur. The difference was that women pinned *kash* decorations to Kashgar hats — bunches of enamelled silver flowers on thin silver stalks (Nos 16-73, 74). At the moment of its purchase the ornament was already going out of use, therefore the collector preserved a disappearing element of culture. S.M. Dudin was well familiar with the traditions of the Middle Asian Sarts and he remarked in his report: "Kashgar women seldom wore kerchiefs, but they tied them in the same manner as other Sart women."¹¹

Dopa tiubeteyka-type textile caps were typically made of four wedge-shaped pieces forming a tall crown, resembling a Russian *kokoshnik*.¹² The crown was densely quilted, with wicks of cotton wool inserted between the rows of stitches, which made the surface of the cap ribbed. The cap-band of the *dopa* was a black broad tape or a strip of Indian brocade. The above materials, as well as some tailoring and ornamentation peculiarities, are signs of kinship of Kashgar and Fergana *tiubeteyka* caps. The gem of the collection are *kadak-tapa* caps made of red or violet velvet with silver plaques sewn on the crown and cap-bands; the plaques are decorated with a pierced or stamped design and with inserts of turquoise, glass and corals (Nos 16-39, 198).

S.M. Dudin selected for the collection the most typical footwear that was also widely used by the Sarts — namely, the soft heelless *massy* high boots (No 16-36) made of goat skin, which had a counter inlaid with green morocco. *Massy* high boots were worn together with *kaush* leather galoshes (No 16-35). For another type of women's footwear S.M. Dudin provided as specimens four pairs of *cheken-ityk* high boots with heels and

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Л. 79.

¹² Там же. Л. 78.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid., f. 79.

¹² Ibid., f. 78.

чекен-итык на каблуке и жесткой подошве С.М. Дудин представил четыре пары, декорированными сплошной вышивкой цветным шелком (№ 16-31, 32, 33, 34). Интересно его замечание, что такие же сапоги можно было встретить и в Бухаре, но этот факт остается малоизвестным, так как слабо подкреплён источниками. Сапоги имеют интересную конструктивную деталь — расположенную между каблуком и подошвой фигурную железную пластинку, загнутый конец которой служит подковкой каблука. Такая деталь предназначена для придания каблуку устойчивости и предохранению его от износа. Сапоги носили вместе с чулками *пайпак* из белого тонкого войлока, специально скатанного для этой цели. Образец такого войлока С.М. Дудин включил в коллекцию (№ 16-18). Помимо войлочных чулок кашгарляки носили также шерстяные вязаные чулки¹³. Покрой женских и мужских чулок различий не имел.

Украшения в коллекции, по большей части женские, составили небольшую группу, подобранную так умело, что в ней представлены все их основные классы — головные, нагрудные, ручные, накосные. Почти все украшения были приобретены в Янгишаре. По наблюдениям собирателя, эти вещи «во многом были похожи на украшения других среднеазиатских сартянок, разница была лишь в орнаментах, а для некоторых украшений и в общей форме»¹⁴. Головные украшения представлены кольцевыми серьгами *зара* без подвесок, с ажурным заполнением внутренней части кольца, изготовленным в технике филигрании с зернью и таким же окаймлением его внешнего края (№ 16-68). В Средней Азии аналогичные серьги также получили распространение, но под названием *кашгари*, что, несомненно, указывает на регион их происхождения. Если кольцевые серьги *зара* являлись наиболее типичными для Кашгара, то крючковые с пышной подвеской в виде цветов с листьями были сравнительно редким типом, что и могло обусловить их включение в коллекцию (№ 16-69). Носили такие серьги только публичные женщины¹⁵.

К головным украшениям примыкают накосные, ношение которых являлось устойчивой традицией в связи с особыми представлениями о магии волос. В коллекции представлены прикрепляемые к концам кос подвески *чашпунак* из серебряных пластинок и коралловых ниток (№ 16-59), а также «побрякушки из зубочисток, ухочисток, щипчиков для волос и т. п., составлявших неперемнную принадлежность сартовских женщин»¹⁶. Такие наборы для личной гигиены представлены тремя экземплярами, два из которых кашгарской работы (№ 16-60, 61) и один — китайской (№ 16-62). Первые отличаются большими размерами, наличием декоративных элементов, китайское же украшение намного проще по

hard soles (Nos 16-31, 32, 33, 34), adorned with continuous embroidery in coloured silk. Worthy of note is his remark that the same kind of footwear was also found in Bukhara, but this fact remains little known because sources give it feeble support. The boots have an interesting design detail — between the heel and sole is placed a figured iron plate, the bent end of which serves as a kind of shoe-iron. The detail is designed to give the heel extra strength and protection from wear. High boots were worn together with *paipak* stockings of white felt rolled specially for the purpose.

Dudin included a sample of such felt (No 16-18) in the collection. Besides felt stockings, the inhabitants of Kashgar wore knitted wool stockings.¹³ There was no difference in the fashion of stockings for men and women.

Personal ornaments, mostly for women, make a small group in the collection, but their choice is so clever that they represent all their main types — for the head, breast, hands and plaits. Almost all of them were bought in Yanghishar. According to S.M. Dudin's observation, "these decorations are in many respects like the ornaments of other Middle Asian Sart women, differing from them in ornamentation and, in a few instances, in general shape."¹⁴ Head decorations are represented by *zara* circular ear-rings without pendants; the inside of the ring is filled with filigree and granulation patterns, the same adorning the outer edge (No 16-68). This type of ear-rings was also known in Middle Asia, under the name of *kashgari*, which clearly indicates the area of their origin. While circular *zara* ear-rings were the most typical of Kashgar, hook-like ear-rings with gorgeous pendants in the shape of flowers and leaves were a relatively rare type, which might have accounted for their inclusion in the collection (No 16-69). They were worn only by prostitutes.¹⁵

Bordering on head ornaments were plait decorations, the wearing of which was a stable tradition because of beliefs in the magic of hair. The collection includes *chashpupak* pendants of silver plates and coral threads (No 16-59), attached to the ends of plaits, as well as various "trinkets such as toothpicks, ear-cleaners, hair tweezers, etc., which are indispensable belongings of Sart women."¹⁶ Such sets for personal hygiene are represented in the collection by three items, two of which are of Kashgar workmanship (Nos 16-60, 61) and one is Chinese (No 16-62). The former ones are of large sizes and have decorative elements, whereas the Chinese set is of much simpler shape and has fewer articles. The *tuzhun-dzhelte* pendant, which figures in Dudin's inventory as a head ornament, should probably be assigned to plait decorations, for the report points, albeit somewhat ambiguously, to its being complement to the

¹³ Там же. Л. 79.

¹⁴ Там же. Л. 79.

¹⁵ Там же. Л. 80.

¹⁶ Там же. Л. 79.

¹³ Ibid., f. 79.

¹⁴ Ibid., f. 79.

¹⁵ Ibid., f. 80.

¹⁶ Ibid., f. 79.

форме и числу составляющих деталей. По всей видимости, к накосным украшениям можно отнести и подвеску *тужун-джельте*, которую собиратель в описи общо квалифицирует как головную, а в отчете проскальзывает не вполне ясное указание на ее комплектность с шапкой *тумак*. Эта подвеска состоит из коралловых нитей и серебряных фигурных пластинок, украшенных филигранью (№ 16-57).

Кашгарлычки заплетали волосы в мелкие косички и носили их частью на спине, частью же на плечах спереди, приплетая сзади еще добавочные косички *чач*, изготовленные из конского волоса (№ 16-72). Стараясь отразить даже тонкости бытования вещей, С.М. Дудин приобрел для коллекции особый клей (№ 16-148, исключено в 1952 г.), раствором которого смачивали волосы, чтобы придать плетению кос большую прочность. Эти сведения позволяют включить Кашгар в широкий ареал бытования женских искусственных кос, включающий Среднюю Азию, многие регионы Сибири и Монголию.

Нагрудные украшения в коллекции представлены амулетом *тумар* в виде двух квадратных подушечек из парчи, с подвесками из коралловых ниток, серебряных колечек и шелковых кисточек (№ 16-58). Конструкция амулетов в Туркестане в целом могла быть очень разной, поэтому сложно сказать что-либо о типичности данного украшения для Кашгара. Внутри подушечек, возможно, зашиты листики бумаги с написанными молитвами — наиболее распространенное «средство» от всевозможных напастей.

Украшения для рук в коллекции составляют кольца и браслеты. Интересно, что кольца С.М. Дудин приобрел как женские, так и мужские. Женское кольцо изготовлено из серебра, имеет вставку из камня и коралла (№ 16-132). Оба мужских кольца *узиук* также серебряные, китайского изготовления. Одно из них имеет массивную верхушку прямоугольной формы со штампованным изображением свернувшегося льва (№ 16-64). Интересна конструкция шинки этого украшения, состоящая из двух полуколец, один из концов которых, у одного левый, у другого правый, не припаян к верхушке, что позволяет кольцу быть безразмерным. Второе мужское кольцо (№ 16-70) также имеет оригинальную шинку из четырех узких лент глади, переплетающихся наподобие «узла бесконечности». Литая верхушка кольца в центре имеет гравированный узор *инь-ян*, фланкированный изображениями летучих мышей.

Серебряные браслеты *бияр-узиук* (№ 16-66, 67) относятся к типу дровтовых — они изготовлены из литого круглого в сечении стержня, согнутого в форме кольца с разъемом. Ближе к их концам пуансоном нанесен простой рисунок в виде полукружий. С.М. Дудин указывал, что такие браслеты изготавливались по китайскому образцу. Эти ценные данные проливают свет на происхождение аналогичных браслетов, бытовавших у казахов племени найман, и в специальной литературе известных как найманские. На остальной терри-

tumak hat. The pendant consists of coral threads and silver figured plates decorated with filigree (No 16-57).

Kashgar women wove their hair in thin plaits, wearing them partly on the back and partly on the shoulders and bosom, weaving in them extra plaits called *chach* made of horse hair (No 16-72). Striving to reflect even the subtle details of object use, Dudin purchased for the collection the special paste (No 16-148, excluded in 1952) with a solution of which they moistened their hair for greater strength. This information gives grounds for including Kashgar in the wide zone where women used artificial plaits, which covers Middle Asia, many parts of Siberia and Mongolia.

Breast ornaments are represented in the collection by a *tumar* amulet consisting of two small square cushions made of brocade, with pendants of coral threads, silver rings and silk tassels (No 16-58). Designs of amulets in Turkestan as a whole varied a great deal, therefore it is hard to say how typical this decoration was of Kashgar. Sheets of paper are probably sewn inside with prayers written on them — as the most popular 'cure' for all sorts of complaints.

Hand ornaments in the collection comprise rings and bracelets. Interestingly, S.M. Dudin bought both women's and men's rings. The women's ring (No 16-132) is made of silver and is adorned with insets of stone and coral. Both of the men's Chinese-made *uziuk* rings are also made of silver. One has a massive square top with a stamped crouched lion (No 16-64). The design of the ring is curious: it consists of two semi-circles; the right end of one semi-circle and the left end of the other are not welded to the top, which lets the ring fit fingers of any size. The other men's ring (No 16-70) also has an unusual design formed by four bands interwoven in the manner of 'the endless knot'. The cast top of the ring is engraved in the centre with an *yin-yang* design flanked by representations of bats.

The silver *biliar-uziuk* bracelets (Nos 16-66, 67) are of bangle type — they are made of a cast rod round in section, bent in the form of a broken circle. Near the ends, simple designs in the form of semi-circles are punched. S.M. Dudin wrote that such bracelets were made on the Chinese model. This valuable remark sheds light on the origins of similar bracelets used by the Kazakh Naiman tribe, and hence known in special literature as Naiman rings. On the other territory of Middle Asia they had no currency. Bracelets No 16-65 can also be regarded as their variety as they are also based on a bent metal rod tightly wound with entwined threads of corals. The ends of the bracelet are decorated with stamped designs in *basma* technique. Also included in the collection are Chinese jade bracelets of similar shapes (No 16-63), worn chiefly by prostitutes.

The *kalyp* dies for making various relief plates (Nos 16-134, 135) and the horse brass, characteristic of the Omsk, Andijan, Margelan and Kashgar Kyrghyzes, as well as of the Kashgar Sarts, were purchased by S.M. Dudin to characterize the

тории Средней Азии браслеты такой формы распространения не получили. Браслеты № 16-65 можно считать разновидностью вышеописанных, так как в основе они также имеют согнутый металлический стержень, но плотно обмотанный переплетающимися нитками кораллов. Наконец браслета изготовлены в технике басменного тиснения. Также собиратель включил в коллекцию китайские нефритовые браслеты аналогичной формы (№ 16-63), которые носились, главным образом, публичными женщинами.

О характере орнамента кашгарских украшений, несколько отличавшегося от среднеазиатского, позволяют судить приобретенные С.М. Дудиным штампы *калып* для изготовления разного рода бляшек (№ 16-134-135), а также бляхи конской сбруи, характерные для кашгарских, омских, андижанских, маргеланских киргизов и кашгарских сартов (№ 16-84-95).

К комплексу женского костюма примыкают принадлежности женского туалета — веер из перьев *батвезак* (№ 16-83), длинный мешочек-карман *калта* из белой *маты* с вышивкой (№ 16-77), белое коленкорое полотенце — *чакан лута* (№ 16-79), *моши* — железные щипчики для выдергивания волос (№ 16-147; исключены в 1955 г.), *сурмаданы* — маленький бронзовый флакончик для хранения сурьмы (№ 16-202), который имеет специальную палочку для окрашивания век, прикрепленную к крышке. Веер *батвезак* уникален: он изготовлен из перьев крупной птицы, искусно подобранных по цвету, изогнутых и склеенных в форме круга. Основания перьев вставлены в паз деревянного кружка, который и является ручкой веера.

Предметы мужского костюма из коллекции № 16 наглядно подтверждают тезис собирателя, что кашгарский мужской костюм «вполне сходен с костюмами сартов Ферганской области»¹⁷. Это сходство основывается на бытовании в обоих регионах распашных нательных рубах *койнек* (№ 16-81), которые были известны также казахам и киргизам. Штаны *штан* (№ 16-82) с широким клином имеют покрой, типичный для всего Туркестана. Мужская нательная одежда из коллекции изготовлена из довольно грубой белой кустарной *маты хом*, которая в Средней Азии в начале XX в. была достоянием только бедных людей. Белый же цвет мужской нательной одежды был традиционным и универсальным для большинства культур Казахстана и Средней Азии.

Верхнюю мужскую одежду Кашгара собиратель представил халатом *чакман* из коричневой хлопчатобумажной *маты* (№ 16-22) и нарядным халатом *чапан* (№ 16-26) из фиолетовой парчи, на подкладке из ситца русских фабрик. Оба халата имеют туникообразный покрой, но с определенными особенностями. Халаты имеют на спине шов, поскольку их стан сшит не из одного, а из двух полотнищ ткани. Кроме того, особенностью покроя *чакмана* является широ-

Kashgar style of ornamentation, which differs somewhat from the general Middle Asian type (Nos 16-84, 95).

Almost as important for women as their costume was their personal toilet, which included such articles as the *batwezak* feather fan (No 16-83), the long *kalta* pocket-bag of white *mata* fabric adorned with embroidery (No 16-77), the white *chakan luta* calico towel (No 16-79), the *moshi* iron pair of tweezers for pulling out hairs (No 16-147; excluded in 1955), the small *surmadany* flask to keep antimony in (No 16-202), which comes with a special spatula fastened to the cover, for dying eyelids. The *batwezak* fan is unique: it is made of a big bird's feathers, skilfully matched by colour, bent and glued together in the form of a ring. The feather ends are inserted in a groove in the wooden ring that serves as the handle.

The articles of men's costume from collection No 16 illustrate the collector's words that the men's costume of Kashgar "resembles a great deal the clothing of the Sart males in the Fergana region."¹⁷ The resemblance is based on the existence in both regions of *koinek* body linen unfastened shirts (No 16-81), which were known also to the Kazakhs and Kyrgyzes. The cut of the *shtan* trousers (No 16-82) with a wide seat is characteristic of the whole of Turkestan. The men's underwear garments in the collection are made of rather coarse primitive white *khom* cotton fabric worn only by the poor in Middle Asia in the early 20th century. As for the colour, white was traditional and ubiquitous in most cultures of Kazakhstan and Middle Asia in those days.

Men's outer garments from Kashgar are represented by the *chakman* gown of brown *mata* cotton fabric (No 16-22) and the smart *chapman* gown (No 16-26) made of violet brocade and lined with cotton prints from Russian textile factories. Both garments have the same tunic-like cut, but with certain peculiarities. They have seams on the backs as they are made of two lengths of cloth, not one. Besides, the specificity of the *chakman* is its broad left side, considerably overlapping the right one and held by means of ties. The *chakman* usually performed the function of a cloak, the outermost garment protecting the wearer from wind, dust, mud, etc., therefore it was quite loose and had kimono sleeves, characteristic of this type of apparel in Middle Asia as well. The simplicity of its cloth also points to its designation, although, for comparison, the Kazakhs, Kyrgyzes and Uzbeks preferred, as more prestigious, *chekmen* jackets made of thick worsted in the second half of the 19th century.

¹⁷ Там же. Л. 76.

¹⁷ Ibid., f. 76.

кая левая пола, далеко заходящая на правую и фиксирующаяся с помощью завязок. *Чакман* обычно выполнял функцию плаща, то есть самого верхнего элемента костюма, защищающего от ветра, загрязнения и т. п., поэтому он и имел довольно просторные формы и рукав кимоно, характерный для данной категории верхней одежды и в Средней Азии. Простота ткани этого предмета одежды также указывает на его предназначение, хотя, для сравнения, казахи, киргизы, узбеки во второй половине XIX в. предпочитали чекмени из сукна, считавшегося престижным материалом.

Мужская одежда в Кашгаре подпоясывалась, как и повсюду в Средней и Центральной Азии. Пояса С.М. Дудин представил кушаками из хлопчатобумажной ткани с клетчатым рисунком (№ 16-40, 41), возможно, как наиболее широко бытовавшим типом поясов. В комплекте с поясами находится кожаный мешочек для денег *колва* (№ 16-201), который имеет петлю для подвешивания на поясе. Также для ношения на поясе предназначался нож в ножнах (№ 16-117), являвшийся важной принадлежностью мужского костюма.

Мужские головные уборы в коллекции довольно разнообразны, как и женские, и охарактеризованы тремя видами: меховыми шапками, тюбетейками и войлочным колпаком с разрезными полями. Меховые шапки *тумак* (№ 16-12, 13) и *тельпек* (№ 16-197) изготовлены из овчины мехом внутрь, две последние крыты тканью. Мужские тюбетейки *колпак* (№ 16-14—17), как и женские, аналогичны ферганским тюбетейкам по конструкции и стилю вышивки: они имеют четыре клина, выкроенных из ткани черного цвета, каждый из которых украшен одной вышитой фигурой (пальметтой или миндалевидным плодом). В коллекцию вошел деревянный резной штамп (№ 16-200) для нанесения на тюбетейку рисунка для ее дальнейшего вышивания. Штамп очень похож на набойный, и, по всей видимости, имел двойное использование.

Мужская обувь в коллекции представлена зимними сапогами *маси* с высоким голенищем, жесткой подошвой и весьма высокими каблуками (№ 16-37). Термин *маси* в отношении жестких сапог несколько неожидан, поскольку обычно он прилагается к мягким сапогам.

Предметов детской одежды С.М. Дудин не приобрел, но в дневнике отметил, что «костюмы детей повторяли костюмы взрослых, однако чаще, чем где-нибудь, можно было встретить детей, и довольно уже больших, в теплое время года щеголяющих и вовсе без всякого костюма»¹⁸.

Следующую довольно крупную тематическую группу памятников коллекции составили предметы утвари. В своем отчете собиратель отметил, что у кашгарцев и среднеазиатских сартов имеется много общих черт в системе питания, ассортименте излюбленных блюд, предметах сервировки

As elsewhere in Middle and Central Asia, men's garments were worn belted in Kashgar. S.M. Dudin exemplified their belts by cotton sashes with chequered designs (Nos 16-40, 41) — probably as the most widespread type of belts. The belt is complete with a *kolva* leather bag for money (No 16-201) fitted with a loop to suspend it from the belt. The sheathed knife (No 16-117), which was an important attribute of men's dress, also hung from the belt.

Men's hats in the collection are fairly diverse, as is women's headdress, and they fall into three types: fur hats, *tiubeteyka* caps and felt *kolpak* caps with slit brims. The *tumak* (Nos 16-12, 13) and *telpek* (№ 16-197) fur hats are made of sheepskin, with fur inside, covered with cloth. The men's *kolpak tiubeteika* caps (Nos 16-14—17), like women's, are similar to Fergana tiubeteikas in design and embroidery style: they are made up of four wedge-shaped pieces of black fabric, each piece decorated with one embroidered figure (a palmetto or an almond-shaped fruit). The collection also includes a wooden stamp (№ 16-200) for printing designs on *tiubeteika* caps and their subsequent embroidering. The stamp resembles those used in printing patterns on textiles and might have been dual-purposed.

Kashgar men's footwear is represented in the collection by the *masi* winter boots with high tops, hard sole and rather high heels (No 16-37). The term 'masi', which is normally used for soft high boots, is somewhat unexpected with reference to the above hard boots.

S.M. Dudin did not purchase any children's clothes, but in his journal he remarked that "children's dress replicated the adults' garments, but in the warm season one could come across here, more often than elsewhere, children, including fairly big ones, strutting around with no clothes on."¹⁸

The next thematic group of monuments in the collection is its fairly sizeable cluster of utensils. In his report S.M. Dudin points out that the people of Kashgar have a great deal in common with the Middle Asian Sarts in their food habits, cuisine, tableware, etc. For this reason he left out a considerable part of objects that the Sarts have as well, purchasing only locally specific objects.

¹⁸ Там же. Л. 79.

¹⁸ Ibid., f. 79.

стола и т. п. Поэтому при закупке им была опущена значительная часть тех предметов, которые можно было встретить и у сартов, а приобретены лишь вещи с местной спецификой.

Керамическая посуда в Кашгаре, по свидетельству С.М. Дудина, в целом походила по форме изделий и краскам поливы на дешевые сорта посуды, производимые в Коканде и Фергане, но только ее качество было более низким в отношении черепка, глазури и росписи. Кувшины для хранения воды *кун* (*хум*) отличались от среднеазиатских *хумов* более узким горлом и настолько выпуклым дном, что стоять они не могли, поэтому их закапывали в землю. На сосудах можно было встретить тисненый орнамент в виде розеток и т. п. (№ 16-145)¹⁹.

Среди металлической утвари Кашгара собиратель выделил чугунные котелки для варки пищи *данкон* (№ 16-104, 105), похожие на старые узбекские, но иной формы, чем сартовский *лагант*. Форма триподов *данкон* с четырьмя ушками по краям, по всей видимости, восходит к китайской традиции. Интересно устройство *джиль-казан* — котелка, похожего на низенький широкий самовар с трубой и камерой для углей с поддувалом и с тремя перегородочками внутри (№ 16-108). Употреблялся такой котелок для варки особой похлебки из трех видов мяса и разных овощей.

Сосуды из красной меди в Кашгаре бытовали широко, особенно такие их популярные виды, как *кумганы* для воды и *офтаба* для омовений, имеющие много сходства с аналогичной продукцией Коканда. Однако по полученным С.М. Дудиным сведениям эти сосуды обычно привозили из Аксу, по крайней мере, самые качественные вещи, образцы которых и были приобретены — *чугун* (№ 16-109) и *оптуба* (№ 16-110, 111). Медная посуда, украшенная резьбой, встречалась сравнительно редко. Особое внимание собирателя заслуженно привлекли сосуды с изящным прорезным орнаментом в центральной части, имевшие резервуар в виде кольца. Два экземпляра сосудов такого устройства были включены в коллекцию — ваза *сюкашкурале* (№ 16-189, исключена в 1955 г.) и *оптуба* хотанской работы (№ 16-191).

Кожаная утварь представлена в коллекции *таловы чова* — кувшинами для масла (№ 16-157, 159, исключен в 1955 г.) и *тарица чова* — кожаным сосудом, употреблявшимся при продаже масла, который также мог служить одной из чашек весов (№ 16-158).

Наряду с глиняной, металлической, кожаной утварью свое место в коллекции занимают и предметы из дерева. Это два футляра *чина-кап* для чайных чашек, один из которых сплетен из прутьев (№ 16-106), а другой, индийской работы, вырезан из цельного куска дерева и украшен изящной

According to Dudin, on the whole Kashgar pottery resembled in form and glaze colours the cheap ceramic wares produced in Kokand and Fergana, but the quality of its clay, glaze and painted decorations was lower. Their *kun* (*khum*) water containers differed from Middle Asian *khums* by a narrower neck and a bottom bulging so much that they could not stand and had to be dug in the ground. The vessels can carry a stamped ornament of rosettes, etc. (No 16-145).¹⁹

From among Kashgar metal utensils, S.M. Dudin picked out the *dankon* cast iron pot for cooking (Nos 16-104, 105), which resembles an old Uzbek one, but its shape differs from the Sart lagant pot. The form of the *dankon* tripod, with four lugs on the edges, is probably of Chinese cultural descent. Unusual is the design of the *djil-kazan* pot, resembling a squatty samovar; it has a pipe and a chamber for coals with an ash-pit, with three partitions inside (No 16-108). The pot was used for cooking a special stew with three kinds of meat and various vegetables.

Red copper vessels were widespread in Kashgar, especially such popular types of them as *kumgans* for water and *oftaba* for washing, which had a great deal in common with similar wares from Kokand. However, as S.M. Dudin found out, vessels of this type usually came from Aksu, at least the best of them, specimens of which was what Dudin purchased: *chugun* (No 16-109) and *optuba* (Nos 16-110, 111). Copper vessels decorated with cut designs were relatively rare, so the collector's attention was deservedly attracted by two vessels with dainty pierced ornaments in the middle, which had a reservoir in the shape of a circle. Two vessels of this design were included in the collection: the *siukashkurale* vase (No 16-189, excluded in 1955) and the *optuba* of Khotan make (No 16-191).

Leather utensils are represented in the collection by the *talovy chova* jugs for oil (Nos 16-157, 159, excluded in 1955) and the small *tariza chova* leather vessel used for selling oil; it could be used also as one of the pans of the scale (No 16-158).

Alongside with clay, metal, and leather utensils, wooden objects are also present in the collection. They are two *china-kap* cases for tea cups, one of which is wickerwork (No 16-106) and the other, produced in India, is cut from one lump of wood

¹⁹ Там же. Л. 74.

¹⁹ Ibid., f. 74.

Сосуд дервиша для сбора подаяний
Кашгар. Конец XIX в. Тыква, кожа, резьба
РЭМ № 16-176

Dervish's alms vessel
Kashgar. Late 19th century. Gourd, leather, carving
RME No 16-176

Сосуд для омовений
Кашгар. Конец XIX в. Медь
РЭМ № 16-110

Washing vessel
Kashgar. Late 19th century. Copper
RME No 16-110

Сосуд для варки пищи
Кашгар. Конец XIX в. Чугун
РЭМ № 16-105

Pot for cooking
Kashgar. Late 19th century. Cast iron
RME No 16-105

резьбой (№ 16-107). Такие футляры для хранения и транспортировки дорогих фарфоровых чашек обычно использовали кочевники, но они нашли свое применение и в быту кашгарцев. Также для чайных чашек предназначалась и деревянная резная подставка *хош* в виде небольшого подноса с четырьмя ячейками. С.М. Дудин отметил, что такая вещь уже была большой редкостью, вышедшей к тому времени из употребления (№ 16-112). Помимо плетеного *чина-капа*, образцом плетения из тальника в коллекции явились корзины *сават* для лепешек (№ 16-113, 114, исключены в 1955 г.).

Группу кухонного инструментария в коллекции составили железная лопатка для углей *бель* с длинной резной рукояткой (№ 16-103), *чомыш* — деревянный уполовник (№ 16-122), *чомыш-крыксоки* — железный уполовник (№ 16-120, исключен в 1955 г.), *сых* — железные прутья для жарения шашлыка (№ 16-123, исключены в 1955 г.), *пчак* — кухонный нож (№ 16-162). В Янгишаре были приобретены *кашык* — деревянные ложки (№ 16-199), *кынграк* — железные сечки для мяса с массивной рабочей частью прямоугольной формы, одна из которых имеет легкую резьбу (№ 16-118, 119).

Пищевые продукты по понятным причинам редко попадают в музейные коллекции, однако С.М. Дудин решил приобрести дрожжи (№ 16-155, исключены в 1955 г.), полученные из корней растения, оставшегося собирателю неизвестным, и мелкую прессованную в виде небольших четырехугольных плиточек соль (№ 16-156, исключена в 1952 г.).

Как сообщает собиратель в отчете, домашняя обстановка кашгарлыков также была похожа на обстановку среднеазиатских сартов, с той лишь разницей, что здесь не существовало строгого деления двора и дома на женскую и мужскую половины. Такое разделение наблюдалось только изредка, в первую очередь, у богатых людей, хотя и в этом случае этот принцип не выдерживался строго, так как женщины в Кашгаре пользовались значительно большей свободой, чем в остальном Туркестане, и имели равный с мужчинами доступ в мужскую половину²⁰.

Роль мужской комнаты обычно исполняла небольшая ближайшая к входу комната, которая и обставлялась несколько богаче других. «От других помещений, где царили женщины, она отделялась либо дверью, либо просто занавеской. Под влиянием китайцев на стенах здесь чаще можно было встретить картины, писанные на бумаге и подклеенные к двум палкам — *когаз-гуль* (№ 16-190, исключена в 1955 г.), иногда неплохой работы, но общая уборка стен, подобная той, которую можно было встретить не только у богатых, но даже и в домах среднего достатка в таких горо-

and decorated with dainty carving (№ 16-107). Cases of this kind, for keeping and transporting expensive *china tea cups*, were usually favoured by the nomads, but they found a niche also in the life of the Kashgar people. The *khosh* carved wooden stand was also designed for tea cups — it had the form of a small tray with four cavities. S.M. Dudin remarked that the object had already gone out of use and was very rare (No 16-112). Besides the wickerwork *china-kap*, the collection included *savat* baskets for flat cakes woven of willow branches (Nos 16-113, 114, excluded in 1955).

Kashgar kitchen tools and utensils are represented in the collection by the small bel iron shovel for coals with a long carved handle (No 16-103), the *chomysh* wooden ladle (No 16-122), the *chomysh-kryksoki* iron ladle (No 16-120, excluded in 1955), the *sykh* iron skewers for roasting meat (No 16-123, excluded in 1955) and the *pchak* kitchen knife (No 16-162). In Yanghishar, S.M. Dudin bought the *kashyk* wooden spoons (No 16-199) and the *kyngtrak* iron choppers for meat with massive rectangular cutting parts, one of which is superficially engraved (No 16-118, 119).

For obvious reasons food stuffs seldom find their way into museums, but Dudin brought a specimen of yeast (No 16-155, excluded in 1955), made of the root of an unidentified plant and small quadrangle tablets of pressed finely ground salt (No 16-156, excluded in 1952).

As the collector observed in his report, the homes of the inhabitants of Kashgar also looked very much like those of the Middle Asian Sarts, the only exception being that there was no strict division of the court and house into women's and men's halves. Separation of this kind was uncommon, observed mainly by the rich, and even by them not very strictly, for women in Kashgar enjoyed a much greater freedom than in the rest of Turkestan and had equal access with men to the men's part of the house.²⁰

The function of the men's half was usually performed by the small room nearest the entrance, which was furnished more richly than the others. S.M. Dudin described it as follows: "It was separated from the other rooms where women reigned either with a door or simply with a curtain. Under the influence of the Chinese, the walls in this room were more often decorated with pictures painted on paper and glued on to two sticks — *kogaz-gul* (No 16-190, excluded in 1955), sometimes fairly good; but even in wealthier homes the general decoration of the walls was no match even to average-income homes, let alone rich ones, in such cities as Samarkand, Bukhara or Tashkent. Generally speaking, the dwellings of the

²⁰ Там же. Л. 75.

²⁰ *Ibid.*, f. 75.

дах, как Самарканд, Бухара или Ташкент, здесь не встречалась даже в довольно богатых домах. Вообще, обстановка жилищ здесь была значительно беднее и проще»²¹. То же самое С.М. Дудин отмечает и относительно наружного убранства жилищ: «Ни вычурно составленных из мелких палочек окон, ни резных дверей здесь не было. Окна были с самыми простыми решетками, обтянутыми бумагой, двери зачастую даже не филенчатые»²². Единственным украшением дверей являлись гвозди с декоративными шляпками, крупные и мелкие, образцы которых собиратель приобрел в Янгишаре (№ 16-140, 141).

Конструктивные элементы жилища С.М. Дудин представил замками, которые, по его свидетельству, несколько отличались от среднеазиатских. Медные и железные замки *калун* были более или менее одинакового устройства — четырехугольные, плоские, с выдвижной дужкой и плоским ключом (№ 16-142-145, куплены в Янгишаре, исключены в 1955 г.). Деревянные замки *лук* представляли собой тип запора, который имел широкое распространение в Туркестане, в том числе и в зимовках омских, андижанских, маргеланских казахов и киргизов, а также в Каратегинских бекствах (№ 16-137, 138)²³. Принцип работы этих замков заключался в том, что засов удерживался при закрывании специальным штырем, который при отмыкании посредством ключа подбрасывался вверх. Подобрать ключ к такому замку было не так легко.

Интересный тематический блок в коллекции составили предметы освещения жилища, также имеющие некоторые отличия от тех, которые находились в обиходе среднеазиатских сартов. Кроме обычных свечей из бараньего сала жители Кашгара использовали для освещения кунжутное масло. Его наливали в чугунные или глиняные светильники *чарак*, которые могли иметь роспись (№ 16-98, исключен в 1955 г., № 16-99). *Чарак* устанавливали на специальной деревянной подставке *чаракпее* (№ 16-97), состоящей из массивного донца с тремя вставленными в него столбиками разной высоты, имеющими сверху полочку. Огонь добывали с помощью огнива *чакмак*, обычно прикрепленного к кожаному мешочку (для трута) с украшениями из железных или медных бляшек (№ 16-100). С.М. Дудин приобрел спички-серянки, изготовлявшиеся из широких или тонких щепочек, один конец которых покрывался серой. Продавались они пачками по семь штук — *тараша-гогут* (№ 16-102). По поводу приобретения одного из экспонатов собиратель пишет, что «в лавках часто можно было встретить складные деревянные фонари с расписными бумажными или матерчатыми стенками — *поники* (№ 16-101). Бумажные стенки сминались в них так же, как мех в гармонике»²⁴.

inhabitants of Kashgar were furnished much more poorly and simply.”²¹ S.M. Dudin noted almost the same about the exteriors of the dwellings, which had “no carved doors or fanciful windows intricately composed of small sticks. Doors even had not panels and the windows were simple gratings covered with paper.”²² The only adornments of the doors were nails with decorative tops of large and small sizes, which the collector bought in Yanghisar (Nos 16-140, 141).

S.M. Dudin brought also some locks used in Kashgar, for they differed, according to him, from the Middle Asian types. The *kalun* copper and iron padlocks were of more or less the same design — flat, quadrangular, with a sliding shackle and a flat key (Nos 16-142—145, purchased in Yanghisar, excluded in 1955). The *luk* wooden lock was a special type of wide currency in Turkestan, including the winter huts of the Omsk, Andijan and Marghelan Kazakhs and Kyrgyzes, as well as on the lands of Karateghin Beks (Nos 16-137, 138).²³ The principle of these locks is that the latch is held by a special rod, which is raised at the turn of the key. It was not very easy to get a key to this kind of lock.

An interesting section in the collection contains lighting devices for home, which were also different from those used by the Middle Asian Sarts. The inhabitants of Kashgar used sesame oil to light their homes, in addition to the usual candles of sheep suet. They poured the oil into cast iron or clay *charak* lamps, which could be adorned with painted designs (No 16-98 excluded in 1955, No 16-99). They would put the *charak* on a special wooden stand called *charakpeye* (No 16-97), which consisted of a massive base with three poles of different height stuck in it; each pole was topped by a lamp shelf. To light the lamp they used the *chakmak* flint and steel, which were usually attached to the small leather bag (for tinder) decorated with iron or copper plaques (No 16-100). S.M. Dudin also bought some sulphur matches made of thin or broad splinters, one end of which was covered with sulphur. They were sold in packets of seven — *tarasha-gogut* (No 16-102). When writing about the purchase of one of the exhibits, S.M. Dudin marked that “in shops one could often see *ponyk*, folding wooden lanterns, with painted paper or fabric walls (No 16-101). Their paper walls folded like the bellows of a concertina.”²⁴

²¹ Там же. Л. 75.

²² Там же. Л. 75.

²³ Там же. Л. 76.

²⁴ Там же. Л. 75.

²¹ Ibid.

²² Ibid.

²³ Ibid., f. 76.

²⁴ Ibid., f. 75.

Из предметов внутренней обстановки жилища в коллекцию была включена деревянная раскрашенная вешалка для шапок, состоящая из рамки с точеными гвоздями — *казык* (№ 16-133), а также сами деревянные точеные гвозди, также служившие в качестве вешалки (№ 16-136).

Принадлежности для курения табака С.М. Дудин старался включить во все свои сборы. Не стала исключением и кашгарская коллекция. Приобретенные *чилимы* из тыквы-горлянки и меди аксуйской работы (№ 16-150, 151, 152), по его мнению, не отличались существенно от среднеазиатских. Кроме них, в коллекцию вошел *чили́м* из рога с резным орнаментом, своим устройством напоминающий китайские кальяны (№ 16-153). Табакерки для хранения жевательного табака в Кашгаре бытовали в двух основных вариантах — одни из тыквянок, во многом похожие на самаркандские, а другие из рога (№ 16-154), подобные киргизским или казахским.

Останавливаясь на ремесленных промыслах, С.М. Дудин отмечает, что в Кашгаре существовали все те их виды, которые были характерны и для Русского Туркестана. Одинаковыми или же несущественно разнящимися были инструменты ремесленников и технологические приемы, хотя уровень некоторых ремесленных отраслей в Кашгаре С.М. Дудин признавал более низким. Как пишет собиратель, «лучшее, что делают кашгарлыки, это *мата* белая и цветная (*хом*), которая вывозится из Кашгара и в Русский Туркестан, также как и бумажные *капы* (мешки. — Прим. С.Д., Л.П.), которые здесь также отличаются и дешевизной, и добротой (№ 16-196)»²⁵. Для характеристики ручного текстильного производства С.М. Дудин приобрел образцы следующих сортов ткани: *хом* — белой бумажной материи (№ 16-55); *сары-хом* — желтой бумажной материи (№ 16-48); *яшиль-астар* — голубой бумажной материи (№ 16-49); *зангарои-хом* — серо-синей бумажной материи, которая шла на подкладку для халатов, одеял и т. д., а в продажу поступала кусками по 18 и более аршин (один аршин — 0,71 см) (№ 16-50); *кок-хом* — синей бумажной материи более высокого сорта, чем предыдущие, употреблявшейся бедняками сартами и киргизами для шитья рубах, штанов, халатов и т. п. (№ 16-51); *кизыл-хом* — красной бумажной материи плотной выделки для халатов (№ 16-52); *кара-хом* — черной плотной бумажной материи того же назначения, что и *кизыл-хом* (№ 16-53); *ушты-хом* — белой лощеной бумажной материи, употреблявшейся для шитья рубах и штанов (№ 16-54).

Также С.М. Дудин включил в коллекцию образцы метражной набойки *сагас*, употреблявшейся на подкладку для халатов, одеял и т. д. (№ 16-42—47). Собиратель отметил ее сходство с набойкой Коканда, хотя не пояснил, в чем

The objects of home interior are represented in the collection by the wooden rack for hats painted in different colours, which consists of a frame with *kazyk* turned nails (No 16-133), as well as the turned wooden nails themselves, which served as pegs (No 16-136).

In all of his collections S.M. Dudin tried to include tobacco smoking accessories. His Kashgar collection is no exception. In his opinion, the *chilim* smoking vessels he purchased, produced in Aksu of gourd and copper (Nos 16-150, 151, 152), did not substantially differ from the Middle Asian standard. Apart from them, the collection includes a *chilim* made of horn with carved ornamentation, whose design resembles Chinese hookahs (No 16-153). In Kashgar they favoured two types of boxes for chewing tobacco — one was made of gourds, in many respects resembling Samarkand wares, and the other of horn (No 16-154), very similar to their Kyrgyz or Kazakh counterparts.

Dwelling on Kashgar's cottage industries, S.M. Dudin notes that their entire range was characteristic also of Russian Turkestan. The craftsmen's tools were either identical or insignificantly different, as were their techniques and methods, although he regarded Kashgar's standards in some industries as inferior. As the collector wrote, "the best of what Kashgar makes is its white *mata* and coloured cotton fabric (*khom*), which are exported to Russian Turkestan, as well as cotton *kapy* (sacks — S.D. and L.P.), notable both for their cheapness and good quality (No 16-196)." ²⁵ To characterize the local hand-loom textile production, S.M. Dudin bought specimens of the following fabrics: white *khom* cotton fabric (No 16-55); yellow *sary-khom* cotton fabric (No 16-48); light blue *yashil-astar* cotton fabric (No 16-49); grey-blue *zangaroi-khom* cotton textile (No 16-50), which was used for the linings of gowns, blankets, etc. — sold in lengths of 18 and more *arshins* (one Russian *arshin* is 0.71 cm); blue *kok-khom* cotton fabric of a higher quality than those above — used by poor Sarts and Kyrgyzes to make shirts, trousers, gowns, etc. (No 16-51); red *kyzyl-khom* dense cotton fabric for gowns (No 16-52); black *kara-khom* dense cotton fabric of the same designation as *kyzyl-khom* (No 16-53); white *ushty-khom* glossy cotton fabric used for making shirts and trousers (No 16-54).

Besides, S.M. Dudin included in his collection some specimens of *sagas* prints, sold by the meter, for gown, blankets linings, etc. (No 16-42—47). He noted its similarity with Kokand prints, without explaining what exactly the points of similarity were. Some prints in his collection have a white ground and smallish brown-green circular patterns, while others have a red-brown ground with black floral designs. The latter colour version has numerous parallels in Middle Asian prints.

²⁵ Там же. Л. 81.

²⁵ Ibid., f. 81.

именно оно состоит. Набойка коллекции частью имеет белый фон и мелкий рисунок в виде коричнево-зеленых кружков, частью красно-коричневый фон с черным цветочным рисунком. Последний вариант цветового решения находит много параллелей со среднеазиатской набойкой.

К числу высокоразвитых ремесел Кашгара С.М. Дудин отнес кожевенное, закупив восемь образцов кожи разного сорта. Лошадиная кожа (*к н*) (№ 16-188) шла на мужские зимние сапоги и туфли *кауш*; коровья (*колынын-чоме*) (№ 16-182) и верблюжья (*тугунын-чоме*) (№ 16-183) предназначалась для изготовления подошв; баранья (*кийнун-миши*) (№ 16-184, 185) разных цветов (белая, желтая, черная, красная) низкого сорта использовалась для летней и детской дешевой обуви и т. п.; из козьей (*джакрын*) (№ 16-186) шили мягкие сапоги *маси* и вообще обувь лучшего качества, окрашивая ее в красный или черный цвета; зеленый сафьян (*сагры-кок*) (№ 16-187), похожий на бухарский, шел, главным образом, на туфли *кауш*. Инструментов для выделки кож С.М. Дудину увидеть и приобрести не удалось.

Ремесленные инструменты и орудия труда, которые не встречались у сартов Средней Азии или несколько отличались по конструкции, С.М. Дудин представил следующими экспонатами: *ямарогыч* — длинная железная пластина с рядом мелких отверстий, употреблявшаяся для сучения ниток (№ 16-126, исключена в 1955 г.); *камон* — лук для разбивания шерсти и хлопка (№ 16-127); *кетмень* — железная мотыга для земляных работ, несколько меньших размеров и более узкая, чем в Средней Азии (№ 16-130); *ирчак* — серп (№ 16-129); *бель* — железная полукруглая лопатка на длинной деревянной рукоятке, употреблявшаяся для размешивания глины (№ 16-128, исключена в 1955 г.); глиняный «болван» в виде опрокинутого цилиндрического горшка с выпуклым дном, на котором шили шапки (№ 16-139). Как предмет повседневного быта вошли в коллекцию мухогомки (№ 16-96, 97) из хвоста яка, прикрепленного к костяной точеной рукоятке. Употребляли такие приспособления на кухнях и в лавках со сладостями.

Имея особый интерес к ковровым изделиям, С.М. Дудин уделил им много внимания, зафиксировав, что шерстяные паласы, кошмы и ковры в самом Кашгаре не производили, а привозили их из Хотана и Аксу для широкого вывоза в пределы Русского Туркестана. Войлочным кошмам собиратель дал самую высокую оценку из-за хорошего качества шерсти и самой валки, особенно отметив белые кошмы, а также те, которые были окрашены в синий и алый цвета. Войлоки Восточного Туркестана отличает очень интересная техника образования вкатанного узора, позволяющая выделить их в особую группу в азиатской традиции валяния войлока. На почти готовую белую основу накладывали тонкие прядки цветной шерсти, создавая мелкий изящный и сложный рисунок, а затем продолжали катать, только приваливая узор.

S.M. Dudin regarded Kashgar's leather processing crafts as highly developed and purchased eight specimens of leather of different grades. They used the *k n* horse leather (No 16-188) for men's winter high boots and *kaush* shoes; the *kolynyn-chome* cow leather (No 16-182) and *tugunyn-chome* camel leather (No 16-183) were used in the making of soles; *kiynun-mishi* sheep leather (Nos 16-184, 185) was a low-grade product in different colours (white, yellow, black and red) used in the making of summer and cheap children's footwear, etc.; *djakryn* goat leather (No 16-186), died black or red, went into the making of *masi* soft high boots and quality footwear in general; green *sagry-kok* morocco (No 16-187), which resembled the same product of Bukhara, was chiefly used in the making of *kaush* shoes. S.M. Dudin was not able to see or buy any tools for leather processing.

The following are craftsmen's tools and implements that S.M. Dudin included in the collection either because the Middle Asian Sarts did not have them at all or because their design was not quite the same as in Kashgar: their *yamaroghych* (No 16-126, excluded in 1955) was a long iron plate with small openings for twisting threads; the *kamon* was a bow for beating wool and cotton (No 16-127); the *ketmen* was an iron mattock, somewhat smaller and narrower than in Middle Asia (No 16-130); the *irchak* sickle has its usual function (No 16-129); the *bel* iron trowel on a long handle was used for mixing clay (No 16-128, excluded in 1955); the clay block in the shape of an upturned pot with a bulging bottom was used for making hats (No 16-139). The fly swatter (No 16-96, 97) for keeping flies away, made from the yak tail attached to a carved bone handle, was included in the collection as an object of everyday life. They were used in kitchens and confectionary shops.

As a connoisseur of carpets, S.M. Dudin paid great attention to them, establishing that there was no production of woolen carpets and rugs, as well as felt carpets, in Kashgar, but they were brought there from Khotan and Aksu for large-scale exports into Russian Turkestan. The collector gave full marks to felt pieces for the good quality of their wool and the rolling, particularly praising white felt carpets and those in dark blue and scarlet. Felts from Eastern Turkestan are distinguished for a very interesting technique of forming a rolled design, which gives grounds to place them in a special group in the Asian tradition of felt rolling. They would place thin wisps of coloured wool on the almost ready white warp, creating a dainty and complicated design and then they would continue the rolling, concentrating on the design. In consequence, the pattern did not lose its own texture and relief, although, as S.M. Dudin justly observed, the bond between the warp and the design was weak (Nos 16-208, 209). In Middle Asia this technique of rolling has been practised by the Western Kazakhs and Karakalpaks in the areas adjoining the Sea of Aral, but the ornament in those areas is much simpler.

Ковер постилочный
Кашгар. Конец XIX в. Шерсть, войлок
РЭМ № 16-206

Floor carpet
Kashgar. Late 19th century. Wool, felt
RME No 16-206

Ковер постилочный ворсовый
Кашгар. Конец XIX в. Шерсть, шелк
РЭМ № 16-203

Floor pile carpet
Kashgar. Late 19th century. Wool, silk
RME No 16-203

Вследствие этого орнамент не терял своей собственной фактуры и рельефа, однако, как справедливо замечает С.М. Дудин, связь между основой и рисунком при этом оказывалась непрочной (№ 16-208, 209). Подобная техника валяния в Средней Азии отмечена в районах Приаралья у западных казахов и каракалпаков, но орнамент их изделий гораздо проще.

Качество паласов и ковров показалось собирателю крайне невысоким из-за неискусной техники тканья, грубости рисунка и красок (№ 16-193). Ковры ткались «чаще всего на бумажной основе, ткань их получалась рыхлая, отчасти от плохого качества ворсовых ниток, отчасти же потому, что между нитками утка, к которым прикрепляются ворсовые нитки, пропускались, кроме нитки, прижимающей и разграничивающей ворсовые нитки, — толстые уточные нитки, назначение которых сводится лишь к увеличению длины тканья за счет его плотности, и, наконец, потому еще, что и остальные нитки утка отличались значительной толщиной при большой неровности прядения. В силу последнего обстоятельства, да еще при условии небольшой длины нитей — стрижка ковров не отличается ровностью, ковер кажется как бы потрепанным и «зажеванным». Неровность стрижки сообщает рисункам несколько неряшливый вид. Орнамент представляет странную смесь элементов китайского и узбекского или киргизского орнаментов. Особенно часто встречаются мотив облаков (на каймах) и свастика простая и сложная. Из узбекских мотивов — цветы с листьями и стеблями, посаженные в горшки разных форм и т. п. Узор сильно выделяется из фона, а не связывается с ним в одно целое; краски грубы, яркие и плохо гармонируют между собой. Все они минеральные, а не растительные и очень не прочны, выгорание их происходит лет в 5—6, не больше, причем гармонии их, и без того плохие, нарушаются в еще большей степени (№ 16-203)»²⁶.

В поездку следующего 1902 г. собирателю удалось приобрести в Фергане два или три старых кашгарских ковра, качество работы которых, по его мнению, указывало, что ковровое дело раньше в этих местах стояло гораздо выше: «По простоте и изяществу рисунков эти коврики близко подходили к хорошим киргизским коврам, а по богатому золотистому общему тону, получившемуся, правда, в результате выщипывания, можно было все-таки догадаться, что их краски были теплее и гармоничнее красок на коврах более позднего времени. Китайского влияния в орнаменте на них было меньше, чем в поздних коврах»²⁷. Таким образом, небольшое число приобретенных собирателем ковров и паласов объясняется их однообразием и не удовлетворявшим его качеством.

S.M. Dudin found the quality of carpets and rugs made in Kashgar extremely low because of their poor workmanship and crude designs and colours (No 16-193). Kashgar carpets were “for the most part woven on a cotton warp, their weave was loose — partly because of the low quality of the pile threads and partly because the weavers passed between the weft threads to which pile threads are attached thick weft threads, whose function was to increase the length of the product at the expense of its density; and finally also because the other threads of the weft were rather too thick, while the weaving was uneven. In consequence of the latter circumstance and the shortness of the pile threads, the clipping is non-uniform and the carpet looks tattered and crumpled. The uneven clipping gives the design a somewhat untidy appearance. The ornament is a queer mixture of Chinese elements with Uzbek or Kyrgyz ones. The most frequent motif is clouds, mostly on the borders, and the simple or involved swastika. The Uzbek motifs employed are flowers with leaves and stalks growing in pots of different shapes, etc. The design stands out sharply from the ground, instead of integrating with it into one whole; the colours are loud, bright, clashing. The pigments are all mineral rather than vegetable and not durable, fading away in five to six years, not more — their harmonies, imperfect as they are, getting even more disbalanced (No 16-203).²⁶

During his journey in the following year, 1902, the researcher was able to buy in Fergana two or three old Kashgar carpets, the craftsmanship of which, in his opinion, indicated that Kashgar carpet weaving used to be far better developed: “the simplicity and refinement of their patterns made these rugs similar to good Kyrgyz carpets, whereas from their rich golden background, which admittedly resulted from plucking out, one could still guess that their colours were warmer and more harmonious than in later-day output. Also, they displayed less Chinese influence than later products.”²⁷ Thus, the small number of rugs and carpets purchased by the explorer can be explained by their monotony and dissatisfying quality.

²⁶ Там же. Л. 82.

²⁷ Там же. Л. 83.

²⁶ *Ibid.*, 82.

²⁷ *Ibid.*, 83.

Кроме шерстяных ковров, как пишет С.М. Дудин, в Хотане ткали и шелковые ковры на бумажной основе (№ 16-192). По рисунку и краскам они не отличались от шерстяных ковров, но работа их была несколько лучше, они были плотнее и стрижка их ровнее. В Кашгаре собиратель иногда встречал ковры с изображениями животных, но, по его мнению, эти изделия представляли скорее «плод выдумки одного какого-нибудь ткача, а не явление, с которым необходимо было считаться как с типичным»²⁸.

В своей статье, посвященной коврам Средней Азии, С.М. Дудин выделяет ковры Восточного Туркестана в отдельный тип с характерными признаками: основа и уток всегда хлопчатобумажные, ворсовые нитки либо шерстяные, либо шелковые; структура более рыхлая, чем даже у киргизских ковров (плотность вязки ворса — от 400 до 800 петель на 100 см²); «вполне определенное доминирование фона над орнаментом, стремление давать одну орнаментальную тему для середины ковра, как в некоторых персидских и других коврах. Краски их богаче и разнообразнее, чем у собственно киргизских ковров: кроме основных простых тонов здесь встречаются и довольно разнообразные нюансы их, особенно в шелковых коврах и шерстяных хорошей работы. В среднем, однако, они яркие, пестрые и достаточно безвкусны»²⁹. При этом С.М. Дудин отмечает очень широкую географию сбыта кашгарских ковров — он встречал их и в Монголии, и на среднеазиатских рынках³⁰.

Не была оставлена С.М. Дудиным без внимания и музыкальная культура Кашгара. Здешняя музыка показалась ему гораздо приятнее среднеазиатской, а в манере пения он заметил много общего с напевами киргизов. Разнообразнее были и виды музыкальных инструментов кашгарцев, которые собиратель представил группами духовых, щипковых и ударных. В первую группу вошли свирель из камыша *най* (№ 16-169) и деревянный *сурнай* с соломенным пищиком (№ 16-168). Группу щипковых инструментов составили двуструнный *дутар* с гораздо более длинным грифом, нежели в Средней Азии (№ 16-166, исключен в 1979 г.), *тамбур* со столь же длинным грифом и пятью струнами вместо трех (№ 16-163, исключен в 1955 г.; № 16-167), пятиструнный *рабоб* с грифом средней длины и с кожаной декой, на котором играли «ноготком» (плектром) из тростника или роговой пластины (№ 16-164, приобретен в Янгишаре), *калын* — цимбалы с металлическими струнами, по форме сходные с русским гуслими, только большего размера (№ 16-174). Ударные инструменты представлены барабаниками с глиняным корпусом, отличающиеся от среднеазиатских только несколько иной формой горшков и способом натяжки на них кожи (№ 16-170—173).

Besides woollen carpets, as S.M. Dudin writes, silk ones on cotton warp were also woven in Khotan (No 16-192). In colour and design they did not differ from woollen carpets, but the workmanship they displayed was somewhat better, they were denser and their clipping was smoother. In Kashgar the collector occasionally came across carpets with animal representations, but those were “fruit of the fantasy of an individual weaver rather than a phenomenon to take into account as typical.”²⁸

In his article dealing with the carpets of Middle Asia, S.M. Dudin assigns the carpets of Eastern Turkestan to a separate type with its specific features, as follows: the warp and weft are always cotton; the pile threads are either wool or silk; the structure is even looser than in Kyrgyz carpets (the weave density of pile is from 400 to 800 knots per 100 cm²); “quite a definite domination of the ground over the design and a desire to give only one ornamental theme to the centre of the carpet, as seen also in some Persian and other carpets. Their colours are richer and more varied than in carpets made in Kyrgyzia itself: in addition to the basic simple tones one can also see here fairly diverse hues of them, especially in silk carpets and quality woollen ones. On an average, however, they are bright, loud and rather tasteless.”²⁹ At the same time, S.M. Dudin mentions the wide geography of Kashgar carpet markets — he came across them both in Mongolia and in Middle Asia.³⁰

The musical culture of Kashgar did not escape S.M. Dudin's attention either. He found local music more pleasing than that of Middle Asia, noting in its singing style a great deal in common with Kyrgyz songs. A greater diversity was shown also by Kashgar musical instruments, which the collector represented by the wind, pluck string and percussion groups. The first group included the nai reed-pipe (No 16-169) and the wooden *surmai* with a straw reed (No 16-168). The group of stringed instruments played by plucking consists of the two-string *dutar* with a much longer finger-board than in Middle Asia (No 16-166, excluded in 1979), the *tambur* with as long a finger-board and five strings instead of three (No 16-163, excluded in 1955; No 16-167), the five-string *rabob* with a medium-size finger-board and a leather sounding-board, played with plectrum made of reed or horn (No 16-164, purchased in Yanghisar), the *kalyn* cymbals with metal strings, similar in shape to the Russian gusli psaltery, but bigger in size (No 16-174). Percussion instruments are represented in the collection by small drums with clay bodies, differing from their Middle Asian counterparts only in the shape of the pots and the method of stretching leather over them (Nos 16-170—173).

²⁸ Там же. Л. 83.

²⁹ Дудин С.М. Ковровые изделия Средней Азии // Сборник МАЭ. Т. 7. Л., 1928. С. 144—145.

³⁰ Там же. С. 149.

²⁸ Ibid.

²⁹ Dudin, S.M. “Carpets of Middle Asia.” *Collected articles of MAE*. Vol. 7. L., 1928, pp. 144—145.

³⁰ Ibid., p. 149.

Интереснейшую группу вещей коллекции составили атрибуты дервиша, хотя о них в отчете почему-то нет никакой информации. Костюм дервиша представлен вышитым колпаком из красного сукна с шерстяной бахромой по краю. Подобные колпаки наряду с халатами из лоскутов, символизовавшими презрение к мирским благам, были характерны для членов нищенствующего братства *каландарийя*. Два сосуда для подаваний характеризуют неменные атрибуты дервишей-каландаров. Один из сосудов, предназначенный для жидкой пищи, изготовлен из тыквы-горлянки и украшен интересным орнаментом, который включает изображения холодного и огнестрельного оружия, музыкальных инструментов, специальных шумящих инструментов дервишей, предметов утвари. Любопытно, что в коллекции фотографий, сделанных С.М. Дудиным в Кашгаре, имеется снимок дервиша именно с этим сосудом. Данный штрих собирательского почерка исследователя еще раз характеризует его стремление не только приобрести вещь, но и документировать ее живое бытование в культуре. Второй сосуд деревянный, он имеет форму ладьи и декорирован геометрической выемчатой резьбой. Большую ценность имеет уникальный посох *сапаи*, единственный в собрании РЭМ (№ 16-175). Посох изготовлен из ствола или толстой ветки дерева причудливо изогнутой формы с развилкой на верхнем конце. К одному из концов развилки прикреплен висящий на металлической цепочке хвост яка и длинные полоски тканей разного сорта. Каждый из элементов посоха имеет глубокий символический смысл, научная интерпретация которого в комплексе еще не предпринималась.

Собирателю удалось включить в коллекцию шумящие инструменты (№ 16-178—180), использовавшиеся как дервишами, так и юродивыми *дюана*. Эти инструменты носят то же название, что и посох — *сапаи*. Учитывая, что термином *сапы* (каз.) или *шоп* (узб.) в Средней Азии назывался один из видов длинноклинкового холодного оружия³¹, можно предположить, что тот или иной вид *сапаи* был символическим оружием дервишей, направленным против злых сил. Один из инструментов изготовлен из рога архара, на который нанизаны металлические колечки, два других состоят из парных палочек с аналогичными колечками.

Два предмета в коллекции представляют культуру письма Восточного Туркестана. Это стаканчик для перьев (№ 16-160) и баранья лопатка с написанным тушью арабским алфавитом (№ 16-161). Последний экспонат ждет своего исследователя, поскольку не вполне ясно использо-

A most interesting part of the collection comprises the dervish outfit, although for some reason there is no mention of it in the report. The dervish costume is represented by an embroidered *kolpak* cap of red heavy worsted with woollen fringes along the edges. Such caps, together with gowns made of scraps, symbolizing disdain of worldly comforts, were characteristic of the members of the *kalandaria* fraternity of pauper dervishes. Two vessels for alms are the indispensable belongings of *kalandar* dervishes. One of the vessels designated for liquid food is made of gourd and decorated with an interesting ornamental design including representations of cold steel and firearms, musical instruments, special noise-making dervish instruments and utensils. Curiously, S.M. Dudin's collection of photographs from Kashgar includes a picture of a dervish holding this very vessel. This feature of the collector's style stresses once again S.M. Dudin's desire not only to purchase a cultural monument but also document its live functioning. The other vessel is made of wood in the form of a boat and is decorated with a geometric notched design. Very valuable is the unique *sapaï* staff, the only one in the collection of the RME (No 16-175). The staff is made of the trunk or thick branch of a tree, in a whimsically curved shape, forking at the top end. Attached to one of the ends of the bifurcation is a yak's tail and long strips of fabrics of different kinds. Each of the elements of the staff has a profound symbolic meaning, no scientific interpretation of which has been attempted as yet.

S.M. Dudin succeeded in finding for the collection some noise-making instruments (Nos 16-178—180), used both by dervishes and *diuana* holy feeble-minded paupers. The name of the instrument is the same as that of the staff — *sapaï*. Considering that the term *sapy* (Kaz.), *shop* (Uzb.) was used in Middle Asia to denote one of the types of swords,³¹ it can be surmised that the former or the latter kind of *sapaï* was a symbolic dervish weapon against evil forces. One of the instruments is made of horn on which small metal rings are strung, while the two others consist of companion sticks strung with similar rings.

Two objects in the collection represent Eastern Turkestan's culture of writing. They are a tumbler for writing nibs (No 16-160) and a sheep's blade with Arabic alphabet written on it in Indian ink (No 16-161). The latter artefact still awaits its researcher since the use here of the bone, primarily connected with fortune telling, for the above purpose is rather unclear.

³¹ Авторы выражают благодарность Д.А. Шереметьеву за данные сведения.

³¹ The writers convey their gratitude to D.A. Sheremetyev for this information.

вание в указанных целях именно лопатки — кости, связанной в первую очередь с гадательными функциями.

По прошествии двух недель, закончив покупку вещей, С.М. Дудин покидает Кашгар, двигаясь по той же дороге, которой прибыл в город. В августе 1901 г. из крепости Иркештам через Терек-Даванский перевал, в это время уже проходимый, он направился к городу Ош. Этот путь был очень труден и в другое время года мог представлять большую опасность. «О последнем обстоятельстве, — пишет С.М. Дудин в отчете, — помимо других соображений, говорит и то поле верблюжьих, лошадиных и других костей, которые проезжаешь, не доходя двух-трех верст (1 верста — 1,06 км) до наивысшей точки перевала. Кости сметены сюда в одну небольшую долину снежными отвалами. На фоне склонов перевала, сплошь засыпанных острыми обломками как уголь черного кремнистого сланца, с блестящими пятнами снега там и сям, эти вымытые снегом и выбеленные солнцем остатки массы жертв, погибших здесь в разное время, среди которых были и люди, много людей, производят тяжелое, гнетущее впечатление. Спуск с перевала еще более труден по причине крутизны склонов, осыпей, отсутствия дороги, еще более угрюм, чем подъем на перевал, и поражает своеобразной красотой»³². Из Оша Дудин выехал в Самарканд, где его ждала работа по окончанию фотографического альбома³³.

Так завершились две недели кашгарского этапа масштабного семимесячного путешествия, предпринятого в 1901 г. выдающимся собирателем, исследователем, подвижником музейного дела. За этот в сущности ничтожный отрезок времени С.М. Дудин сумел запечатлеть в одной коллекции характерные черты культуры населения Кашгара, которая в то время еще оставалась *terra incognita* для европейцев. В большой мере, как ни странно, она остается таковой и сейчас, поэтому обращение к сохраненному культурному наследию Восточного Туркестана будет служить все новому его «открытию».

After a fortnight-long stay and completion of the purchase of the objects, S.M. Dudin left Kashgar, retracing the way he had arrived in the city. In August 1901 he went from fort Irkeshtam to Osh by way of the Terek-Davan pass, which was already hard to cross. The route was very difficult and might be dangerous in a different season. "The latter circumstance," wrote S.M. Dudin in his report, "apart from other things, is illustrated by the field of camel, horse and other bones one passes at a distance of two or three *verstas* (1 *versta* is 1.06 km) from the highest point of the pass. The bones have been swept here into a small valley by avalanches of snow. Seen against the background of the slopes of the pass covered with coal black fragments of stony slate, with brilliant patches of snow here and there, these snow-washed and sun-whitened remains of numerous victims, including people that perished here in different periods, produce a gloomy, depressing impact. Descent from the pass is even more difficult because of the steep slopes, screes, and absence of a road. It is even more melancholy than climbing — and strikes you at the same time with its peculiar beauty."³² From Osh Dudin left for Samarkand where he was to finish work on his album of photographs.³³

That was the close of the fortnight-long Kashgar leg of the large-scale seven-month journey undertaken, in 1901, by the outstanding traveller, researcher and collector wholeheartedly devoted to museum work. Over that short, virtually negligible period of time, S.M. Dudin succeeded in recording in just one collection the most characteristic features of Kashgar culture, which at that time still was a *terra incognita* for the Europeans. Strange as it is, to a large extent it remains one even today, therefore addressing the preserved cultural heritage of Eastern Turkestan is to facilitate its 're-discovery'.

³² Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2, ед. хр. 247. Л. 85.

³³ Там же. Л. 87.

³² RME Archives. Fond 1, Inv. 2, unit 247, f. 85.

³³ *Ibid.*, p. 87.